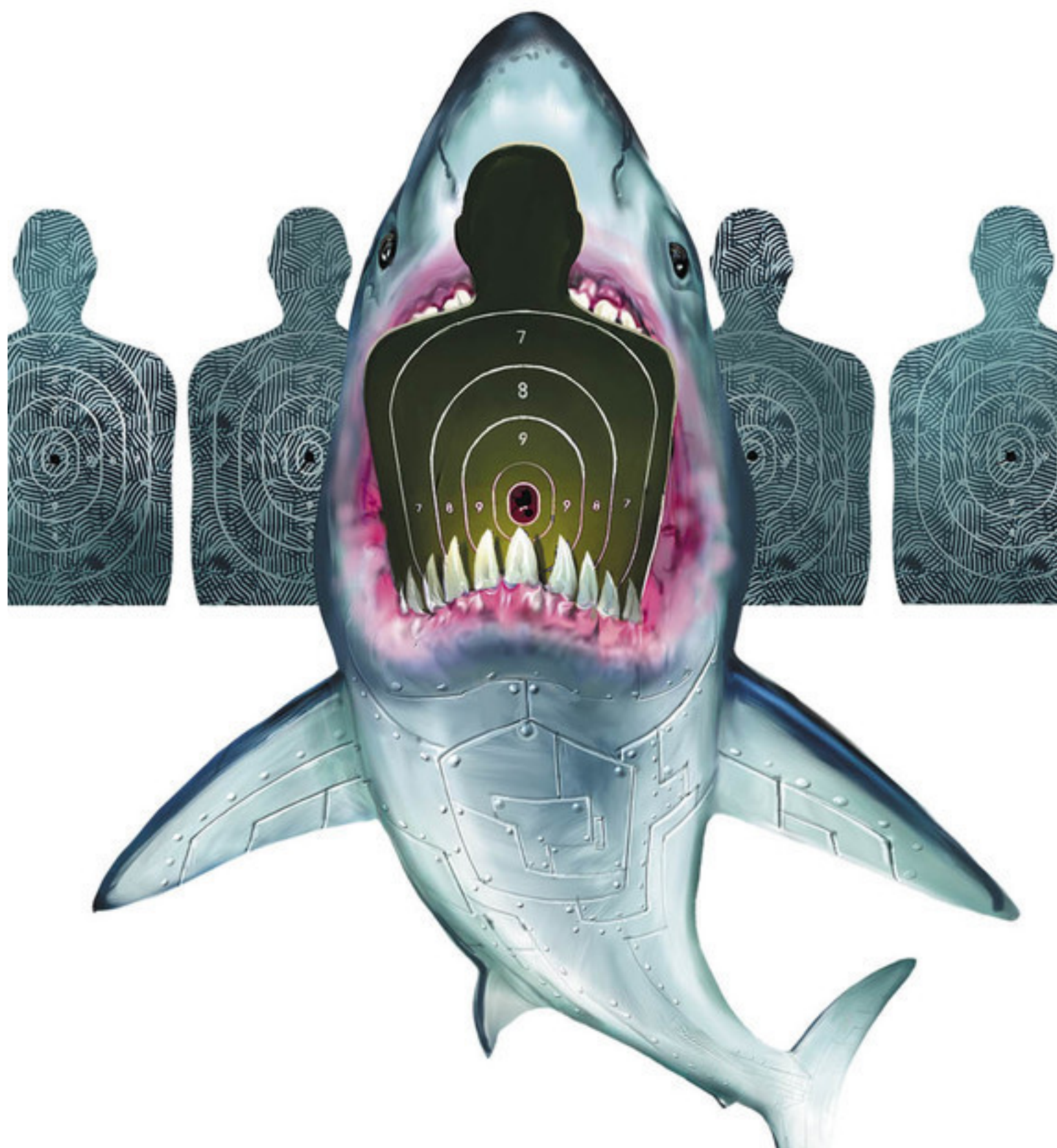

ПАВЕЛ АСТАХОВ

КИЛЛЕР

Адвокат Артем Павлов

Павел Астахов

Киллер

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Астахов П. А.

Киллер / П. А. Астахов — «Эксмо», 2016 — (Адвокат Артем Павлов)

ISBN 978-5-699-92379-3

Вас несправедливо притесняет партнер по бизнесу? Или вы хотите заполучить его долю? Возможно, он просто не нравится вам как человек? Профсоюз киллеров решит ваши проблемы!.. При этом никому и в голову не придет мысль о заказном убийстве. Наркоман в темном подъезде, огромная сосулька на крыше дома, неисправная электропроводка... Да мало ли опасностей подстерегает вокруг? И все-таки у известного адвоката Артема Павлова возникли серьезные сомнения по поводу одной такой «нелепой случайности». А потом еще одной и еще... Либо что-то очень сильно разозлило и без того Злой Рок, либо за этими смертями стоят вполне конкретные люди.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-92379-3

© Астахов П. А., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Пролог	6
Звонок	12
Сложный клиент	14
Детский офтальмолог	17
Встреча в изоляторе	21
Новый заказ	25
Стратегия защиты	32
Министр	35
Конфликт в салоне красоты	38
Слежка	42
Откровения арестованного	46
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Павел Астахов

Киллер

*Если бы желание убить и возможность убить всегда совпадали,
кто из нас избежал бы виселицы?*
Марк Твен

Пролог

День не заладился с самого начала. Все утро Борис проспал мертвецким сном, потом, ближе к обеду, своим тывканьем его разбудила облезлая такса соседей, которую он при случае всегда норовил пнуть, когда она ему встречалась на кухне или в коридоре. Борис проживал в коммунальной квартире, в которой, помимо него, обитали еще две семьи. Что было нужно этой полуслепой сардельке на кривых ножках, один бог ведает, но после ее лая Борис, как ни силился, уснуть уже не смог.

Голова мужчины раскалывалась от вчерашнего гужбана, и весь его мир сузился до одной-единственной мысли – похмелиться. На полке замызанного холодильника он обнаружил открытую банку сайры и одинокое яйцо, которое намеревался пожарить на обед.

«Последний из могикан, – невесело подумал Борис, разогревая черную от копоти сковороду. – Кажись, эти яйца я еще несколько месяцев назад покупал».

Масла у него не было, но он решил, что это не помеха завтраку. «Просто добавь воды, ха-ха». Вроде бы так в середине девяностых звучала реклама каких-то порошков, из которых получалась ядовитая газировка.

Как только Борис разбил яйцо об ребро сковородки, по кухне поплыла тошнотворная вонь тухлятины. Он разогнал руками смрад, чертыхнулся и швырнул шипящую сковородку в раковину. Ему пришлось довольствоваться остатками консервов.

Напоследок Борис поругался с соседями по поводу испорченного воздуха на кухне. Он пообещал выбросить их таксу в мусоропровод, после чего покинул квартиру.

Жирный, прогорклый кусок сайры словно застрял в глотке, вызывая изжогу. Борис, ускорив шаг, направился в сторону магазина. Его подрагивающие, не слишком чистые пальцы с тревогой нащупывали в кармане деньги, оставшиеся после вчерашнего банкета.

На протяжении нескольких дней в этом магазине проводилась специальная акция, спиртное продавалось со скидкой, причем весьма значительной. Если ему повезет и цены на беленькую все еще будут снижены, то наличности хватит на бутылку.

Однако сегодня все и вся было против него.

– Акция на водку закончилась, – тщательно выговаривая слова, произнес чернявый паренек, загружающий колу в холодильник. – Со скидкой у нас теперь только коньяк.

Борис с трудом сдержал себя, чтобы не треснуть этого азиата по физиономии. Какой на фиг коньяк?! Он что, разницы в цене не видит?!

Какое-то время Борис растерянно топтался на месте, поглядывая на витрину со спиртным. У него был вид человека, провожающего поезд с лучшим другом, увидеть которого вряд ли когда-нибудь доведется.

Он вздохнул и в третий раз пересчитал мелочь, словно надеясь, что ошибся, разумеется, в нужную сторону, и все-таки наберет на пузырь. К своему огромному разочарованию, Борис не ошибся. Уж что-что, а считать-то он умел. У него в школе по математике всегда пятерка была.

«А не проще ли спереть бутылку?»

Эта мысль, неведь откуда закравшаяся ему в голову, вызвала сразу два чувства – соблазн и испуг. После недолгой внутренней борьбы Борис отказался от кражи. Он был законопослушным гражданином. А может, причина такого решения крылась в боязни быть замеченным?

Впрочем, это было не так уж и важно. В глотке Бориса бушевал пожар. Головная боль перфоратором дробила его череп. Все мысли о том, что надо бы унять их, теперь можно было засунуть куда подальше. Не везет так не везет.

Он тяжело вздохнул и вышел на улицу. На его покрасневший, в рытвинах нос упала прохладная капля. Борис задрал голову.

– Дождя еще не хватало, – буркнул он и решил, что нужно, пожалуй, сходить к «Дикси».

Рядом с этим магазином часто собираются его знакомые. Может, и ему что-нибудь перепадет. В крайнем случае он купит крепкого пива. А что, тоже вариант.

Борис спустился по ступенькам, и его взгляд неожиданно уперся в невысокого мужчину в очках, который тщетно пытался прикурить. Обширную лысину незнакомца обрамляли клочья темно-русых волос, на носу с горбинкой сидели допотопные очки.

«Из наших, что ли?» – подумал Борис, глядя на неаккуратную бороду мужчины и помятые брюки.

Между тем колесико зажигалки вместо пламени продолжало упорно высекать едва заметные искорки.

Рука Бориса машинально нырнула в карман потертой куртки.

– Держи, профессор, – с усмешкой сказал он.

Незнакомец затаился, и от Бориса не ускользнуло, что его пальцы дрожат.

«Точно, из наших, – с каким-то странным удовлетворением подумал он. – Плющит бедолагу по полной программе!»

– Я не профессор, – возразил мужчина, выпуская дым.

Тон у него был виноватый, будто в том, что он не профессор, имелось что-то постыдное. Этот человек перехватил взгляд Бориса и без труда понял, о чем тот думает.

– Что, тоже колбасит? – с участием поинтересовался Борис.

– Это все нервы. – Очкарик попытался улыбнуться, но вышло так, что лицо его исказила гримаса.

На лысину очкарика упала капля, и он вздрогнул. Потом они одновременно рассмеялись. При этом в пакете, который незнакомец держал в правой руке, что-то звякнуло, и Борис замер, словно хищник, учуявший дичь.

Ого! Этот звук нельзя спутать ни с каким другим.

Он решил идти ва-банк и спросил:

– Поправить здоровье решил, профессор?

Где-то вдалеке зарокотал гром.

– Я... – Очкарик заметно смутился. – Если откровенно, то да. Настроение паршивое. Вот только на приличное заведение денег нет. Меня, кстати, Сергей зовут. – Он вздохнул, словно намеревался сказать нечто важное, но в последний момент передумал.

Борис похлопал его по плечу.

– Идем. Я знаю одно место, там и расскажешь, что с тобой приключилось. – И прежде чем его новый знакомый открыл рот, он добавил: – Тем более что у меня есть зажигалка. Ты ведь наверняка еще курить захочешь. Будем знакомы. Я Боря.

Новые знакомцы перешли дорогу и быстро пересекли небольшой парк.

– Куда мы идем? – с беспокойством спросил Сергей, озираясь.

– Не бойся, – успокоил его Борис, уверенно шагая вперед.

Парк скоро закончился, и они начали подниматься на холм, на вершине которого виднелся проржавевший забор.

Пройдя несколько метров вправо, Борис указал на большую дыру в ограждении и заявил:

– Залазь туда.

Гремя пакетом, очкарик опасливо оглянулся.

– Не дрейфь, профессор, – заявил Борис. – Мы тут иногда отдыхаем. Там один гараж сгорел. Сам понимаешь, и крыша над головой имеется, и ветра нет.

К тому времени вялые капли переросли в дождь. Зябко кутаясь в куртку, Борис чуть ли не бегом засеменил к кирпичной коробке, темнеющей в самом конце гаражных боксов.

Сергей посмотрел на часы и сказал:

– У меня не так много времени.

– Ну да. – Борис кивнул. – А у кого оно есть, время-то? Люди куда-то спешат, а зачем? Рано или поздно все на том свете будем, – философски закончил он, подняв грязный палец.

Пока Сергей брезгливо оглядывал мусор, раскиданный вокруг, Борис, пыхтя, соорудил из остатков табуретки что-то вроде стола. Закопченные канистры он поставил рядом в качестве стульев.

– Садись. Чего ты жмешься будто в первый раз?!

– Вы правы, я тут и в самом деле в первый раз, – сказал Сергей и шмыгнул носом.

Видя, что потенциальный собутыльник испытывает робость, Борис сграбастал из его рук пакет.

– Ты, Серега, как ребенок, – заявил он, расставляя на табуретке пластиковые стаканчики.

Потом Борис достал из пакета черный хлеб, шпроты, свинтил крышку с бутылки «Праздничной» и почувствовал, как его рот наполняется слюной.

– Давай за знакомство.

Сергей отпил совсем чуть-чуть. Борис проглотил содержимое стакана, рыгнул, откупорил бутылку с лимонадом и с наслаждением прильнул к горлышку.

– Вот теперь можно жить, – протянул он, хлопнув себя по груди. – Ух! Так что у тебя случилось, профессор?

Сергей взял кусок хлеба, понюхал его, осторожно положил на место и проговорил:

– Вы почему-то упорно называете меня профессором. Но поверьте, я не имею никакого отношения...

– Еще раз назовешь меня на «вы», и я обижусь, – оборвал его Борис. – А в таком состоянии могу и в глаз дать.

Сергей испуганно моргнул, непроизвольно дотронулся до очков.

Борис расхохотался:

– Эх ты, салага!

– От меня жена ушла, – глухим голосом произнес Сергей.

Не меняя выражения лица, Борис наполнил свой стакан.

– Ушла совсем, – прибавил Сергей, словно сомневаясь в том, что был услышан своим новым знакомым.

– Как ушла, так и вернется, – беспечно заявил Борис, опрокидывая в себя стакан.

Его глаза заблестели, а обрюзгшее лицо покраснелось. Теперь, когда зудящая боль в черепной коробке утихла, а в желудке булькала живительная влага, любая проблема казалась ему не серьезней комариного укуса. Начиная с этой несносной сучки таксы, которая загадила всю прихожую, и заканчивая глобальным финансовым кризисом. А тут какая-то ерунда – жена ушла.

– Не вернется, – сказал Сергей, и его нижняя губа дрогнула. – Она изменила мне.

– Мы с женой тоже разошлись, – сообщил Борис, подцепил лезвием перочинного ножа шпротину, проглотил, облизнул губы. – Но я не злюсь на нее. Мы слишком разные.

Сергей окинул его внимательным взглядом.

– Характерами не сошлись? – спросил он.

– Ага, – подтвердил Борис, которого начал забавлять этот разговор. – Она не смогла увидеть во мне... этот – как его? – мой индивидуальный стержень.

– Стержень, – машинально повторил Сергей и поднес к свету часы.

– Куда торопишься-то?

– Мне дочь нужно забрать из музыкальной школы, – объяснил очкарик.

– У тебя еще есть курево? – поинтересовался Борис.

– Последняя.

– Жаль.

Они покурили, передавая друг другу сигарету.

– Вас не гоняют отсюда? – любопытствовал Сергей.

– Нет. Мы себя тихо ведем, – ответил Борис.

Сергей с безразличным видом пялился куда-то в землю.

– Эй, профессор! У нас топливо заканчивается, – позвал его Борис.

Тот поднял голову и сказал:

– Мне пора.

Борис нахмурился. Нет, так дело не пойдет.

– Успеешь ты за своей дочкой. Пошли, догонимся, а потом я тебя провожу.

– У меня фляжка есть. Там еще немного найдется, – бесцветно произнес Сергей и выбрался из гаража.

Борис с жадностью влез в пакет, притулившийся у табуретки, выудил из него хромированную флягу с изображением какой-то рыбины, отвинтил крышечку, принялся.

– Самогон? – недоверчиво спросил он.

– Виски, – отозвался Сергей, не оборачиваясь.

В проезде показался иссиня-черный «БМВ».

– Да знаю я, что виски, – как можно равнодушнее отозвался Борис, отхлебнул, поперхнулся, закашлялся и прохрипел: – Что я, виски, что ли, не пил?

«БМВ» остановился в противоположном конце гаражных рядов. Из автомобиля степенно вышел человек в синем костюме, начал отпирать двери бокса.

Борис выпил еще, зажевал спиртное хлебом, вытер губы, крякнул и заявил:

– Хорош, гад! Аж горло дерет. Профессор!

Сергей медленно обернулся, подошел к собутыльнику. В его темных глазах засквозил холод.

– Я не профессор, – медленно проговорил он. – Я артист. Понял?

– Артист? – не поверил алкоголик, качнувшийся на канистре.

В его голове что-то шумело, словно там работало плохо настроенное радио.

– Ты врешь. Не похож ты...

Перед глазами Бориса внезапно замерцали поблескивающие точки, в ногах появилась дрожь.

Он свел коленки, наклонился вперед и с трудом выдавил из себя:

– Что-то хреново мне, профессор... или артист.

Сергей бесшумно шагнул вперед и наклонился над ним. Сквозь пелену сгущавшегося тумана Борис увидел, как его странный знакомый зло ухмыльнулся.

– Выпей еще, Боря, – мягко сказал очкарик, чуть не насильно вливая в рот алкаша остатки виски.

Борис захрипел, накренился. Канистра грохнулась, и он упал на загаженный бетонный пол. Веки его сомкнулись.

Сергей несколько секунд взирал на неподвижно лежащего собутыльника, затем внезапно нанес ему короткий удар в лицо. Показалась кровь. Он ударил еще, после этого с треском рванул ворот давно не стиранной рубахи. Пуговицы разлетелись в стороны. Борис что-то хрипло пробормотал, не приходя в сознание.

Сергей вышел наружу. Чернеющее небо прочертил замысловатый зигзаг молнии.

Владелец «БМВ» уже загнал машину в гараж и теперь закрывал ворота.

Сергей стремглав кинулся к нему.

– Уважаемый! Прошу вас, помогите! – запыхавшимся голосом проговорил он.

Мужик в костюме с подозрением уставился на него. На его указательном пальце висела связка ключей, во второй руке он держал зонт.

– Чего надо?

– Пожалуйста... там человеку плохо! У него кровотечение, он сознание потерял! – закричал Сергей.

Мужик не спеша открыл зонт.

– Какой человек? – уточнил он.

– Я не знаю его. Случайно увидел, как ему стало плохо.

Хозяин «БМВ» презрительно усмехнулся и спросил:

– Это в сгоревшем боксе-то?

Сергей кивнул.

– Там всегда кому-то плохо, – бросил мужик, потеряв интерес к разговору. – Сначала весело и хорошо, потом блюют и морды друг другу расшибают.

– Я правду говорю, – умоляюще сказал Сергей и вытер лицо, мокрое от дождя. – Вызовите хоть «Скорую», у меня телефона нет.

Мужик смерил его брезгливым взглядом, нехотя вытащил из внутреннего кармана смартфон и уронил при этом ключи. Он наклонился, чтобы подобрать их, и в ту же секунду Сергей ударил его ногой. От неожиданности дядька опрокинулся назад, прямо в лужу. Телефон выпал, его тут же подхватил Сергей.

– Ах ты гаденыш! – зарычал владелец иномарки, поднимаясь на ноги.

Сергей бросился к гаражу. Мужик побежал за ним. Свой зонт он отшвырнул в сторону, и тот, увлекаемый порывами ветра, подсакивая, неуклюже покатился прочь.

Тяжело дыша, мужчина остановился в чернеющем проеме сожженного бокса. Силуэт очкарика, столь наглым образом похитившего у него телефон, виднелся в глубине гаража, среди обгорелых покрышек и прочего хлама.

– Подойди сюда сам, и я сломаю тебе только одну руку! – рявкнул мужик в костюме.

Краем глаза он заметил тело, валяющееся справа. Лицо этого типа было залито кровью.

– Не бейте, пожалуйста, – жалобно проговорил Сергей, выступил из темноты, протянул телефон. – Я просто хочу помочь моему другу! Не бейте!

– Иди сюда! – повторил хозяин «БМВ».

Сергей робко шагнул вперед и с заискивающим видом положил телефон на табуретку.

– Психи долбаные! – буркнул мужик и наклонился, чтобы забрать аппарат.

Да, собственность вернулась к нему. Но он не оставит без ответа тот пинок и купание в луже!

Пальцы хозяина «БМВ» уже коснулись глянцевой поверхности смартфона, и тут его спину пронзила ошеломляющая боль. Он поднял глаза. Станный человек в очках стоял прямо перед ним, держа в руках окровавленный нож.

– Ты... ты... – начал говорить мужчина, но его фразу оборвал очередной удар.

Он упал на колени, захрипел.

Его убийца достал из кармана салфетку. Не сводя глаз с умирающего, он вытер рукоятку ножа и аккуратно вложил его в грязную ладонь Бориса, который до сих пор находился в бессознательном состоянии.

Сергей быстро стер отпечатки своих пальцев со всех предметов, к которым прикасался в сгоревшем сарае, затем сунул в карман флягу. Напоследок он посмотрел в стекленеющие глаза мужчины в костюме и быстро направился к дыре в заборе.

За ней этот тип содрал с себя куртку, вывернул ее наизнанку и надел снова. Из коричневой она превратилась в зеленую. Сергей снял очки, отклеил растрепанные волосы с бородой, бросил все это в сумку. Он надел на голову кепку-бейсболку и бесшумно удалился.

Еще через пять минут убийца уже сидел в подержанной «десятке».

– Все нормально? – поинтересовался водитель, лениво жуя зубочистку.

Сергей кивнул и услышал:

– Любишь ты рисковать.

– Я всегда мечтал учиться в театральном.
Машина тронулась с места.

Звонок

– Шах.

Артем задумался и передвинул короля.

– Убежал, – сделал вывод Шамиль. – Надеюсь, ненадолго. Сейчас мы вас прижмем, сударь.

– Хвалилась редька чуть дыша, ах, как я с медом хороша, – парировал Артем, взяв в руку ферзя.

Друзья сидели на летней веранде дачи Шамиля и наслаждались игрой в шахматы. Была суббота. На лазурном безоблачном небе нежилось солнце. Разогретый воздух источал запах свежескошенной травы и был наполнен беззаботным щебетанием птиц.

– До сих пор не могу поверить, что ты все-таки выбрался ко мне, – сказал Шамиль, одновременно обдумывая очередной ход.

– Я сам себе удивляюсь. Уже забыл, когда у меня полноценный выходной был. – Артем кинул взгляд на бревенчатую баню, из трубы которой начал клубиться дым.

– Опа! – торжествуя воскликнул Шамиль, взяв пешку Артема.

Павлов взглянул на доску.

– Пожалуй, я начну записывать все ходы, как говорилось в фильме «Двенадцать стульев», – проговорил он. – Стоит оглянуться, и в моих рядах потери.

– Шах.

Неожиданно запиликал сотовый телефон Шамиля, и друзья переглянулись. Уж слишком непривычно было слышать в подобной обстановке, близкой к идиллии, звук мобильного.

– Посмотрите на него! Главное, меня уговорил выключить телефон, – с беззлобным укором сказал адвокат, глядя, как его приятель берет в руки телефон.

– Да, слушаю. – Шамиль некоторое время молчал, потом произнес: – Не так быстро. Давай подробнее. – Он перехватил внимательный взгляд Артема и добавил: – Кстати, он рядом.

Павлов вздохнул.

Фразы «не так быстро» и «давай подробнее» говорили сами за себя. Здесь, на природе, в этот прекрасный солнечный день эти слова были равносильны ушату холодной воды. Они грозили самым бесцеремонным образом прервать их отдых. Судя по всему, Шамилю позвонил кто-то из знакомых, которому требуется некая консультация, иначе старый друг не сообщил бы, что Павлов рядом.

Пока Шамиль слушал, изредка уточняя какие-то детали, Артем изучал доску. После недолгих размышлений он пришел к выводу, что шанс на победу у него еще есть.

– Тема! – позвал его Шамиль, откладывая в сторону мобильник.

Лицо его выглядело слегка виноватым.

– Только не говори, что тебе нужно куда-то бежать.

– Пока не нужно. Слава богу, баня не отменяется. Но требуется твоя помощь. Звонила моя знакомая, Вероника Осокина. Наши родители долго дружили, и она мне почти как сестра.

Брови Артема удивленно поползли вверх. В голосе Шамиля, всегда невозмутимого, отличавшегося железной выдержкой, явственно ощущались сентиментальные нотки.

– У нее очень непростая судьба. – Шамиль посмотрел Артему прямо в глаза и продолжил: – Ее родной брат под арестом, его обвиняют в убийстве какого-то коммерсанта. Недавно в прессе крутили сюжет, как во дворе машина взорвалась, помнишь?

Павлов кивнул.

– Это убийство хотят повесить на него, но Вероника утверждает, что парень не при делах. Она готова встретиться, когда тебе удобно.

Павлов взял коня. Лицо его было совершенно бесстрастным.

Шамиль взглянул на доску.

– Я что-то не пойму, – пробормотал он. – Пат?

– Именно. Ничья. – Артем чуть улыбнулся и начал собирать фигуры.

– Я могу быть уверенным в том, что ты поможешь? – осторожно спросил Шамиль.

– У тебя хоть раз был повод сомневаться в этом? – проговорил Павлов. – Тем более что на сегодняшний момент все срочные вопросы я вроде бы пока закрыл. Оставь ей мой телефон, договоримся о встрече. Хоть завтра.

«Я у тебя в долгу», – читалось на лице Шамиля.

Артем хлопнул его по плечу, поднялся со скамейки и предложил:

– Может, пора погреть наши старые кости?

Друзья рассмеялись.

Сложный клиент

На следующий день, в девять утра, когда Артем изучал материалы очередного гражданского дела, в дверь его кабинета постучали.

– Входите, – подал голос адвокат, отрываясь от документов.

В помещение вошла женщина лет тридцати пяти. На ней было светло-голубое платье, под которым угадывалась превосходно сложенная фигура. Вьющиеся темные волосы стянуты в хвост. Косметики минимум. Но Артем оценил выразительное лицо посетительницы, ее чувственные губы и глубокие глаза, обрамленные густыми ресницами. Он подумал, что отсутствие пудры или помады вряд ли сможет умалить красоту этой женщины.

– Добрый день.

– Здравствуйте! Вы Вероника Александровна? – откликнулся Артем.

Она нерешительно улыбнулась.

– Да. Артемий Андреевич, мы с вами вчера созванивались.

– Конечно, я помню. Присаживайтесь.

Гостья тихонько села и положила руки перед собой. Артем непроизвольно отметил, какие у нее тонкие и изящные пальцы.

– Может, кофе? – предложил он.

Вероника качнула головой.

– Благодарю, не надо.

– Тогда не будем терять времени, – сказал Павлов, открывая блокнот. – Я вас слушаю.

Женщина глубоко вздохнула.

– Пожалуй, мне придется излагать все с самого начала, и это займет какое-то время. Иначе я могу упустить какие-либо детали.

– Вероника, вы не волнуйтесь, – подбодрил ее адвокат. – Рассказывайте.

– У меня есть родной брат, Дмитрий Осокин, семьдесят второго года рождения. Я не верю в случайные совпадения, но так уж сложилось, что он буквально с самого детства как магнит притягивал к себе всевозможные неприятности. Но, как говорится, маленькие детки – маленькие бедки. После школы его забрали в армию, и служба немного вправила ему мозги. Как оказалось, ненадолго, хотя он и обзавелся семьей. В конце девяностых годов Дима попал под следствие за незаконное изготовление и хранение взрывчатых веществ. – Вероника перевела дыхание. – Простите. Это, наверное, выглядит немного сумбурно... – Она запнулась.

– Продолжайте, – мягко приободрил ее Артем.

– Дело в том, что Дима с юности интересовался пиротехникой и всегда мечтал сделать что-нибудь этакое своими руками. Но одно дело – детская хлопушка, и совсем другое – бомба, способная разнести целый дом. Я специально так подробно останавливаюсь на этом моменте, так как этот эпизод жизни Димы потом выйдет ему боком. В общем, он получил три года тюрьмы. За это время произошло трагическое событие. Его восьмилетний сын играл с приятелями на крышах гаражей, сорвался и упал на асфальт. Врачи диагностировали перелом позвоночника, у него был поврежден спинной мозг и обездвижено тело. Жена ушла от Димы, и сыном занимался только он. Я в меру своих возможностей помогала ему. Как-то Дмитрий познакомился с неким Хареном Ганакином. Тот убедил моего брата заняться совместным бизнесом. – Женщина снова вздохнула. – Этот человек изначально вызывал у меня недоверие, но Дима не слушал моих слов. У Харена был свой бизнес – он торговал итальянской одеждой. К тому времени Дима продал гараж с машиной, чтобы оплатить лечение сына, но Харен смог уговорить моего брата вложить вырученные деньги в бизнес, обещая ему прибыль втрое больше. Мой брат сделал это, более того, он еще взял в банке кредит. Однако никакой обещан-

ной прибыли Дима не получил. Через какое-то время начались проблемы. А еще через два дня машина этого Харена взорвалась. Вместе с ним, разумеется...

– Вот с этого момента давайте подробней, – сказал Артем.

Осокина сплела пальцы в замок.

– Со счета фирмы пропали деньги. Ганакян заподозрил Дмитрия и вызвал его на разговор. Они встретились в каком-то баре. Перед этим брат звонил мне, сообщил, что у него проблемы, но он постарается их уладить. Однако все пошло наперекосяк. Разговора не получилось, и вскоре между ними завязалась драка. Кто-то вызвал полицию, но к их приезду Дима сбежал. Ганакяна доставили в отдел полиции, где он написал жалобу на моего брата, обвинил его в хищении денег и мошенничестве. Как я уже сказала, спустя два дня взорвался автомобиль Ганакяна, и он погиб. Диму задержали и поместили под стражу. Теперь его обвиняют в убийстве. К сожалению, у меня не было возможности пообщаться с ним до ареста. В полиции мне сказали, что увидеться с Димой теперь можно только по решению судьи. Я хотела бы передать ему какие-то вещи, но не знаю, что разрешено.

– Вас ввели в заблуждение, – проговорил Артем. – Разрешить или отказать в свидании с задержанным – компетенция должностного лица, ведущего уголовное дело. На данном этапе таковым является следователь. Вам нужно было обратиться в следственный комитет, а не в полицию. Другой вопрос, что выдача разрешения на свидание – право, а не обязанность следователя. Зачастую он принимает отрицательное решение. К сожалению, такая практика имеет место в большинстве случаев. Так сказать, для подстраховки, во избежание утечки информации. – Артем грустно развел руками.

Вероника выглядела удрученной.

– У Дмитрия есть защитник? – спросил Павлов.

– Да. Но, как я поняла, он не заинтересован в деле, так как его назначили. Я несколько раз пыталась выйти с ним на связь, но он каждый раз находил причину, чтобы наш разговор не состоялся. Кроме того... – Женщина замаялась, и Артем вопросительно взглянул на нее. – Как-то в телефонном разговоре адвокат Димы обмолвился, что за триста тысяч сможет добиться смягчения статьи.

– Вы согласились?

– Отказалась. Не потому, что не поверила ему. У нас попросту нет таких денег. Все средства уходят на лечение сына Димы, моего племянника.

– Вы поступили совершенно правильно, – заметил Артем. – Судя по вашим словам, этот юрист, мягко говоря, не является настоящим профессионалом. Вы наверняка потеряли бы деньги, а ваш брат остался бы за решеткой. Если бы этот господин адвокат поделился деньгами со следователем, то вас еще и привлекли бы за дачу взятки должностному лицу. В общем, правильно вы поступили. – Павлов защелкал мышкой, глядя в экран ноутбука.

– Артемий Андреевич... – жалобно протянула женщина.

– Да?

– Наверное, я зря пришла. Вы только потратили на меня ваше время. – Голос Вероники дрогнул.

– О моем времени не беспокойтесь. – Адвокат отправил в печать документ, найденный в базе данных. – Вот. – Он протянул женщине теплый листок, только что выползший из принтера. – Это перечень продуктов и личных вещей, которые вы вправе передать своему брату. Я уточню, в какой именно изолятор его поместили. Хотя, полагаю, скорее всего, в «пятерку», на Выборгской улице. Взрыв ведь произошел где-то на Соколе?

Вероника кивнула, глянула на список.

«Тапочки, зубная щетка, мыло, сигареты...»

– Дима не курит, – произнесла она.

– Это не имеет значения, – ответил Артем. – В тюрьмах сигареты считаются денежным эквивалентом. Лишними не будут, поверьте.

Осокина убрала листок в сумочку.

– Я сегодня постараюсь увидеться со следователем, – сказал Павлов. – Да, и еще. Дайте мне координаты этого адвоката. Нужно, чтобы ваш брат написал заявление о смене защитника.

– Артемий Андреевич... – начала Вероника, но вдруг смутилась.

– Говорите, – нетерпеливо сказал Артем.

– Меня волнует вопрос вашего гонорара, – проговорила она, глядя в сторону.

Павлов заметил, что щеки Вероники покрылись румянцем.

– Как вы уже поняли, мы не из миллионеров. У нас просто нет таких денег, которые нужны для оплаты услуг такого адвоката, как вы. Но я знаю не понаслышке, что, помимо профессиональных качеств, вы обладаете отзывчивостью и способностью помочь в трудную минуту. Я долго сомневалась, когда решала, звонить ли Шамилю. Он посоветовал обратиться к вам.

– И молодец, что посоветовал, – с улыбкой сказал Павлов. – Я многим обязан ему. Так что вопрос о моем вознаграждении оставим на потом, когда появятся конкретные результаты моей работы.

– Спасибо, – тихо проговорила женщина.

– Пока не за что. Вероника Александровна, у меня к вам есть один вопрос. Это важно.

– Конечно, задавайте.

– Вы сами верите в невиновность своего брата? Пока что все говорит не в его пользу. Прежняя судимость – раз. Неизвестно куда ушли деньги, предназначенные для совместного бизнеса с Ганакяном, – два. Драка в баре – три. Побег с места выяснения отношений – четыре. Мотив для убийства Ганакяна есть – уже пять. Приплюсуйте сюда способ, которым он был убит, – взрыв. Ведь Дмитрий уже имел судимость за хранение и изготовление взрывчатых веществ. Это в-шестых. Для следствия ваш брат – идеальный вариант. Если вовремя не вмешаться, он получит на полную катушку. С учетом прежней судимости и тяжести статей, по которым его обвиняют, Дмитрия могут лишить свободы лет на двадцать. – Артем в упор смотрел на вмиг побледневшую женщину. – В худшем случае его приговорят к пожизненному сроку.

– Боже!..

– Я спросил вас об этом вот почему. За время нашего разговора мне показалось, что вы сами не уверены в непричастности вашего брата к этому преступлению. Я прав?

Вероника опустила голову.

– Я знаю Диму как себя. При любой другой ситуации я поручилась бы за него. Но тут... не знаю. Я прекрасно понимаю, что убивать из-за финансовых разногласий – безумие. Но что-то подсказывает мне, что во всей этой истории есть большое темное пятно, какая-то червоточина. Она не дает мне покоя.

– Я так и думал, – произнес Павлов. – Вы сами не уверены в невиновности брата.

Осокина встала из-за стола.

– Я очень надеюсь на вас. Огромное спасибо за то, что согласились помочь.

– Не спешите благодарить. Для начала нужно услышать версию вашего брата. Я собираюсь это сделать в самое ближайшее время.

Детский офтальмолог

В дверь кабинета, на которой была припилена начинающая выцветать табличка с надписью «Офтальмолог», постучала полная женщина. Она держала за руку мальчугана лет десяти, который явно был недоволен предстоящим визитом к врачу.

– Проходите, – раздался за дверью спокойный мужской голос.

Женщина с сыном зашли внутрь.

– А, это вы! – Доктор улыбнулся так, будто случайно встретил на улице старых знакомых. – Доброе утро! И тебе привет, боец!

– Здравствуйте, Илья Робертович, – сказала женщина, подталкивая ребенка вперед.

– Здравсте, – выдавил мальчик.

– Ну и как у вас обстоят дела? Судя по всему, хорошо? Ну-ка, боец, подойди ко мне. – Врач нацепил на лоб офтальмоскоп и принялся изучать правый глаз ребенка. – Замечательно! – произнес он и дружески похлопал мальчика по плечу.

– Ой, Илья Робертович, спасибо вам огромное! – рассыпалась в благодарностях женщина. – Мы с мужем уже на худшее настроились, думали, он глаз потеряет.

Она ухватила сына за руку и настойчиво потянула к двери, намереваясь покинуть кабинет, но доктор внезапно сказал:

– Пожалуйста, буквально три минуты. Мне нужно кое-что сказать вашему сыну.

– Конечно. – Мать растерянно остановилась у двери.

Она выглядела слегка озадаченной.

– Говорите...

– Можно, я скажу это парню один на один? Так сказать, мужской разговор. Вы не против? – Доктор располагающе улыбнулся.

Женщина нервно пожала плечами и вышла из кабинета.

– Ну и что, боец? – сказал доктор.

Мальчик вжал голову в плечи, как если бы его собирались бить.

Илья Робертович залез в стол и вынул оттуда салфетку, свернутую в трубочку. Через мгновение в его руках появилась тонкая длинная игла.

– Так чья это все-таки была идея? Из-за чего ты чуть не лишился глаза?

Мальчуган переступил ногами. Его уже начинало тошнить от вопросов и бесконечного повторения событий того проклятого дня. Не самого удачного в его жизни.

– Я же говорил уже, – нудно забубнил он, не глядя на врача. – Мой друг у брата взял трубку с иглками. Он сказал, что такие были у ниндзя. Мы решили пострелять в дерево. И когда...

– Ты меня не понял, – мягко прервал его Илья Робертович. – Твою версию этой истории я уже слышал. Наверное, участковому инспектору ты тоже ее рассказал, так ведь?

Мальчик кивнул, про себя мечтая как можно быстрее выбраться из этого кабинета. Ему начало казаться, что врач в чем-то его подозревает и собирается замучить расспросами.

– Я хотел уточнить, кому из вас пришла в голову идея наврать, – настаивал Илья Робертович.

– Наврать? – Паренок глупо хлопнул ресницами. – Я не врал. Я выстрелил, и игла отскочила в меня... – снова забубнил паренок.

– Она не отскочила, – тихо перебил его офтальмолог. – Если бы игла отскочила, то она потеряла бы скорость и летела не по ровной траектории, а кувыркаясь, ясно? Игла просто цапнула бы тебя. – Врач был неумолим.

Мальчик покраснел.

– В тебя выстрелили, – после секундной паузы продолжил наступление доктор. – Думаю, скорее всего, не специально. И вряд ли я ошибусь, если предположу, что это сделал твой приятель.

Мальчик отвел взгляд в сторону.

– Он сказал, что папа его сильно накажет, – едва слышно произнес он, кусая губы.

– Это твой друг попросил тебя соврать?

Мальчик кивнул, с опаской взглянул на врача и спросил:

– Вы не скажете никому?

Илья Робертович помолчал, потом проговорил:

– Твой глаз вылечен. Наказывать кого-то уже поздно. Ты должен сам сделать выводы. Скажи-ка еще вот что. Ты действительно считаешь этого парня своим другом?

– Да.

– Я так и понял. Иначе ты не выручил бы его, – произнес доктор. – Я тебя огорчу. От таких друзей лучше держаться подальше. Потому что в следующий раз он снова выкрутится за твой счет. Иными словами, предаст тебя. Дело не ограничится поврежденным глазом. Поверь.

– Можно я пойду? – Мальчик нетерпеливо хмыкнул и придвинулся ближе к двери.

– Конечно. Всего тебе хорошего, – сказал врач, надевая на нос очки.

Паренек выскользнул из кабинета, а Илья Робертович тяжело вздохнул.

Это был его последний рабочий день перед отпуском. Коллеги посмеивались за спиной Ильи Робертовича. Другой человек на его месте в обед проставился бы тортиком с шампанским и с разрешения главврача сделал бы ноги, но офтальмолог отсидел положенную смену до последней минуты. Он вежливо кивнул на прощание теткам из регистратуры и вышел из поликлиники.

По дороге доктор зашел в местный супермаркет, нагрузил тележку различной снедью, ассортимент которой явно намекал на холостяцкий быт, и двинулся к кассе. По пути он спохватился и прихватил несколько пакетов собачьего корма. Его болонка Луиза наверняка уже проголодалась.

К подъезду своего дома Илья Робертович подходил, когда уже начало смеркаться. Он жил на втором этаже, поднялся туда пешком и увидел компанию из трех юношей и совсем юной девчушки, которой едва ли исполнилось шестнадцать. Молодежь вольготно расположилась на ступеньках.

Доктор поморщился – подъезд пропах табачным дымом. У ног подростков стояли открытые бутылки пива. Бетонный пол возле его двери был усеян плевками, серыми горками пепла, обертками из-под чипсов и обрывками газет.

– Спасибо, что хоть туалет у меня под дверью не устроили, – сказал врач, разгоняя дым рукой.

Молодые люди нахально наблюдали за ним и посмеивались.

– Застудишься, – сказал Илья Робертович девушке, сидящей на ступеньках.

Та прыснула, сдвинула худые коленки.

– Спасибо за совет, – заявил один из подростков.

Под его носом пробивался светлый пушок намечающихся усов, за ухо была засунута сигарета.

– Лучше за собой приглядели бы.

– Я уже как-то делал вам замечание, – спокойно произнес Илья Робертович и повернулся спиной к двери. – Я не против того, что вы тут отдыхаете. Подъезд – территория общего пользования. Но отдых бывает разным, и в данном случае вы нарушаете закон. Не нужно превращать наш дом в забегаловку. Я уж молчу о том, что в вашем возрасте алкоголь и никотин совершенно противопоказаны. – Он в упор посмотрел на парня с сигаретой за ухом. – А ты предложил бы девушке свою олимпийку. Видишь, ей же холодно.

– Ты чего пургу гонишь? Тебе сегодня по морде еще не дали? – грубо спросил второй юноша, тонкое, бледное лицо которого было покрыто россыпью прыщей.

Илья Робертович с грустью покачал головой.

– В твои годы я всегда обращался к старшим на «вы», – сказал он негромко.

Молодые люди переглянулись и засмеялись.

– Тогда идите вы на хрен, – сплюнув, проговорил парень с сигаретой за ухом, покачнулся, икнул. – Не мешайте отдыхать.

– Если вы не слушаетесь моего совета и не уберете за собой, я буду вынужден вызвать наряд полиции, – невозмутимо сказал врач.

Его голос звучал по-отечески проникновенно и дружелюбно, будто он объяснял своему не в меру расшалившемуся отпрыску, что прогуливать уроки нехорошо.

Девушка нервно хихикнула. Она была трезвее других и понимала, что в поведении этого странного субличного очкарика было что-то необычное. Он даже не полез за ключом, подойдя к двери, как будто знал, что между ними произойдет конфликт. Но еще больше ее смущало, что этот тощий дядька, судя по всему, совершенно не боится ее друзей, каждый из которых, если захочет, завяжет его в узел как галстук.

– Давайте так, – предложил Илья Робертович. – Вы убираете за собой мусор, обещаете больше не хулиганить и расходитесь. Для курения есть улица. И завязывайте с алкоголем. Идет?

Третий подросток с длинными темными волосами что-то пробормотал. Он был самый пьяный из всех и просто сидел, опустив голову на руки, сложенные крест-накрест.

– А он, наверное, глухой, – заявил прыщавый парень. – Мужик, тебе уже указали адрес. Чего мнешься? Штаны жмут? – Парень сделал шаг вперед и протянул руку, чтобы снять очки с врача.

Тот слегка отпрянул, поставил на пол пакеты с продуктами. Потом доктор неожиданно резко схватил подростка за кисть и с хрустом вывернул сустав. Парень заорал, пытаясь вырваться, но странный мужчина в очках держал его словно клещами.

Девушка испуганно распахнула глаза. Меньше всего она ожидала подобного развития событий.

– Тоха! – завизжал прыщавый парень, лицо которого искривилось от боли.

– Эй, урод старый! Оставь его! – крикнул парень с сигаретой за ухом, который, судя по всему, и был тем самым Тохой.

Покачиваясь, он направился к Илье Робертовичу. Крепкая рука ухватила пустую бутылку. Парень разбил ее об стенку. Осколки шрапнели разлетелись по бетонному полу.

Девушка задрожала.

– Не надо, – пролепетала она, взглянула на невозмутимое лицо худошавого дядьки в очках, и ей вдруг стало не по себе.

– Не лезь, мальчик, – мягко сказал врач, но Тоха сделал еще один шаг вперед.

Прыщавый тип уже не кричал, а жалобно поскуливал, как дворняжка, прищемившая хвост.

Где-то наверху открылась дверь, и мужской голос крикнул:

– Вы что там устроили? Я полицию вызову!

– Давно пора, – с удовлетворением проговорил Илья Робертович.

Девушке показалось, что все происходящее доставляло ему несказанное удовольствие.

– Отпусти Ромку, – с угрозой потребовал Тоха и взмахнул розочкой.

Не меняя выражения лица, врач нанес короткий удар в челюсть парню. Тот тяжело грохнулся на ступеньки, сигарета вывалилась из-за уха. Он зацепил ногой открытую пластиковую бутылку, и пиво, пенясь, хлынуло на пол.

Подросток с длинными патлами, сидевший на ступеньках, поднял мутный, неосмысленный взгляд и пробубнил:

– Эй, вы чего, а?

– Вы убили его? – вырвалось у девушки.

Она с ужасом глядела на Тоху, который распластался на грязных ступеньках.

– Нет, – возразил Илья Робертович и без особого усилия оттолкнул от себя прыщавого парня.

Тот всхлипнул и начал неуклюже спускаться по ступенькам.

Врач присел на корточки, ударил лежащего юношу по щекам, потом с силой потер ему мочки ушей. Тоха открыл глаза и непонимающе взглянул на него.

– Вот и славно, – обрадовался Илья Робертович. – Давай я помогу тебе подняться. – Он наклонился, ухватил юношу под мышки и поставил его на ноги так легко, словно тот был поролоновым манекеном. – Дойдешь до дома? – участливо поинтересовался доктор.

Тоха промычал что-то невнятное.

– Полагаю, это означает «да».

В этот момент на ноги поднялся длинноволосый юноша.

– Ты кто? – тупо спросил он офтальмолога.

– Иди домой. Вас всех наверняка уже родители ждут. Давайте валите отсюда.

Тоха неуклюже качнулся, развернулся и будто старик потащился вниз. За ним словно зомби шаркал ногами патлатый парень.

Илья Робертович перевел взор на девушку. Она поежилась. Ей казалось, что глаза этого жуткого незнакомца совершенно не мигают. Так бывает у змеи.

– Не надо ничего мне делать, – прошептала она. – Я... мы больше не будем мусорить. Простите!

Ничего не говоря, врач вытащил из сумки полиэтиленовый пакет, который взял про запас в магазине. Теперь этот мешочек ему пригодился. Точнее, не доктору, а этой худышке с проколотой бровью.

– Убирай! – коротко приказал он, указав рукой на мусор вокруг.

Девушка безропотно подчинилась. Через минуту пакет был полным.

Доктор придвинулся к ней, и девушка замерла.

– Я не трону тебя, – тихо сказал врач и с величайшей осторожностью снял с ее макушки божью коровку. – А ведь она к тебе на улице села.

Девушка перевела дыхание. Еще никогда она не испытывала такой страх, как сейчас.

– Смотри, какая она чудесная. – любясь букашкой, Илья Робертович направился к окну, открыл створку и осторожно высунул ладонь наружу. – Божья коровка, улети на небо... – забормотал он детскую песенку.

Девушка неуверенно шагнула в сторону выхода.

– Еще раз тут увижу, накажу всех серьезно. Так и передай мальчикам! – не оборачиваясь, проговорил врач.

Девчонка кивнула, словно он мог видеть этот жест, после чего опрометью понеслась к выходу.

– Улетай, – начал упрашивать насекомое Илья Робертович. – Я знаю, что солнышко уже село, но здесь тебе нечего делать. Тут дурные запахи, спертый воздух, негативная аура. Прошу тебя!..

Божья коровка расправила свои крошечные крылышки и взмыла в вечерний воздух.

Врач удовлетворенно кивнул и направился к двери, вытаскивая ключи. Он скрылся в квартире, а спустя полчаса даже не вспоминал об этом инциденте.

В город пришла ночь.

Встреча в изоляторе

Ближе к обеду Павлов выяснил контактные данные следователя, ведущего дело по факту убийства Ганакияна, набрал его номер и договорился о встрече.

Капитан юстиции Гнатюк Олег Станиславович не скрывал своего удивления, узнав, что адвокат Артем Павлов интересуется его подследственным.

– Вообще-то у Осокина уже есть защитник, – проговорил он.

– Мне это известно. Но вы же прекрасно осведомлены, что уголовно-процессуальный закон предоставляет обвиняемому право иметь несколько адвокатов. Впрочем, как и отказаться от них, причем на любой стадии процесса.

Гнатюк некоторое время молчал, очевидно, обдумывая решение.

– Ладно, – наконец сказал он. – Я как раз сейчас еду в изолятор и выпишу вам разрешение на свидание. А уж Осокин пускай сам решает, втягивать вас в это дело или нет. Один ему нужен защитник или несколько.

Павлов не мог не отметить, что последнее предложение было произнесено с чувством абсолютного собственного превосходства. Адвокат не сомневался, что следователь едва удержался, чтобы не закончить фразу так: «Только время зря потратите».

Через час они встретились у ворот СИЗО. Павлов протянул капитану юстиции руку. Тот чуть помедлил и пожал ее. Ладонь следователя была вялой и влажной, словно обернутой мокрым полотенцем или салфеткой.

– У вас есть пятнадцать минут, – сообщил Олег Станиславович. – Вероятно, вы имеете какие-то вопросы ко мне? – язвительно осведомился он.

– Да, имею, – подтвердил Павлов, забирая из его рук бланк пропуска. – Но вы же ни слова мне не скажете, пока я не буду официальным представителем Осокина. Я прав, господин следователь?

Гнатюк кисло улыбнулся. Он знал, что этот адвокатишка был тертый калач.

– Вот видите, вы все сами отлично знаете. Хотя мне до сих пор неясно, зачем такой юрист, как вы, выбрал столь неперспективное дело.

– Неперспективное для кого? – спокойно поинтересовался Артем, и улыбка на губах следователя погасла.

Он что-то проворчал и открыл массивную дверь. Павлов последовал за ним.

Дежурный смены проводил адвоката в свободное помещение. Артем достал несколько листов бумаги, блокнот, ручку, аккуратно разложил все это на столе.

В ожидании Дмитрия он машинально оглядел камеру и покачал головой.

Пенитенциарная система мало изменилась с советских времен, что бы ни кричали с трибун генералы из этого ведомства, пытаясь обосновать очередное выделение средств из бюджета страны. Все те же мрачные стены, небрежно покрашенные в муторно-зеленый цвет, подавляющий психику, неуклюжий стол и табуреты, накрепко привинченные к полу, толстенная решетка, сквозь ячейки которой едва-едва пробивался солнечный свет. Весь антураж камеры словно гвозди вколачивал в испуганный мозг арестованного одну-единственную мысль: «Ты здесь никто. Никто. Никто».

Наконец в коридоре послышались шаги, и через мгновение внутрь, прихрамывая, зашел высокий мужчина. Лицо его было бледным и осунувшимся, под глазами залегли глубокие тени.

– Добрый день, Дмитрий, – сказал Артем.

– Здравствуйте. А вы кто? Я вас где-то мог видеть? – спросил Осокин, прищурившись.

– Вполне. Мир тесен, как говорят. Меня зовут Артем Павлов, я адвокат. Ваша сестра Вероника попросила, чтобы я занялся вашим делом.

– Вероника? – заторможенно переспросил Дмитрий, с трудом вникая в суть разговора.

Он сел на табурет, поморщился и начал растирать колено.

– Вас били? – задал прямой вопрос Павлов.

Он всмотрелся в лицо мужчины, заметил распухшую скулу и ссадину на брови.

– Это неважно, – с неохотой ответил Осокин.

– Значит, били, – заключил адвокат.

– Это мои проблемы, – отрезал арестант.

– Может, вам нужен врач?

– Нет, – отозвался заключенный и снова коснулся колена. – Я узнал вас. Это вы всякие передачи про судебные процессы ведете, да? – Не дожидаясь ответа Артема, он кивнул и сказал: – Ну да. Вот уж не ожидал! Меня вызвался защищать сам Артем Павлов! Вот так сюрприз!

– Дмитрий, у нас мало времени, – одернул его защитник.

– Мне нечего вам сказать, – неожиданно резко ответил Осокин, положил руки на стол, увидел, что на них смотрит адвокат, и быстро убрал.

Но Павлов все равно успел разглядеть, что все костяшки на пальцах брата Вероники были разбиты. Видимо, он успел неплохо приложиться к чьим-то физиономиям.

– Ваша сестра хочет помочь вам, – сказал Артем. – Насколько я понял, ваш нынешний адвокат не очень-то горит желанием бороться за вас.

Осокин промолчал, но Павлов видел, что эти слова задели его.

– Я готов взяться за ваше дело.

– Зачем? – со вздохом спросил Дмитрий. – Я все равно сяду лет на двадцать. Мне в камере уже сказали. Я убил своего партнера по бизнесу, чего еще надо? Как вы будете меня защищать? Я все равно во всем признался. Теперь-то какая разница?

– Значит, вы все-таки убили его? Или только признались в этом? – Павлов посмотрел на него в упор, Дмитрий не выдержал этого взгляда, опустил голову и устался в исцарапанный стол.

«Он лжет, – подумал Артем. – Но зачем ему самооговор?!»

Осокин криво усмехнулся и заявил:

– К тому же у нашей семьи нет денег на ваши услуги. Я с трудом могу себе представить, сколько стоит час вашей работы. Вероника там что, на солнце, что ли, перегрелась? Интересно, что она продала, чтобы только получить от вас консультацию?

– Вопрос о моем вознаграждении сейчас не стоит на повестке дня, – заявил Павлов. – Давайте определимся. Если вы согласны на мое участие в деле, то вам нужно написать заявление о смене защитника.

Осокин кашлянул, нервно потерял пуговицу на рубашке.

– Мне ничего не надо, – глухо проговорил он. – Я буду отвечать за то, что совершил. Вы зря потратили свое время.

– Дмитрий, вы говорите неправду, – проговорил Артем. – Это видно даже невооруженным глазом. Мне только непонятна причина.

В дверь постучали.

– Время, – раздался хриловатый голос охранника.

Павлов встал из-за стола.

– Подумайте. Не о себе, так о своих родных. О сестре, которая места себе не находит, пытаюсь вызволить вас отсюда. Вспомните о своем сыне, наконец! – надавил Артем.

Осокин вздрогнул и сказал:

– Извините, но это вас не касается.

В дверь заглянул Гнатьюк.

– Ваше время вышло, господин Павлов.

– Мы уже заканчиваем, – не оборачиваясь, отозвался адвокат.

– Это все равно бессмысленно. – Осокин с тоской покачал головой.

Павлов пожал плечами. В его практике не раз бывали и такие случаи, так что он не очень удивился. В конце концов подзащитный решает сам.

– Вы рано сдаетесь, – бросил он напоследок, встал и шагнул к выходу.

Перед дверьми Артем неожиданно обернулся и кинул взгляд на Дмитрия. В глазах Осокина стояли слезы и немая мольба. Свидание закончилось.

– Вы удовлетворены? – вежливо спросил следователь.

Он стоял, прислонившись к стене, держа в руках коричневую папку.

– Да, благодарю вас, Олег Станиславович, – сказал Павлов.

– Он согласился на замену адвоката?

Павлов улыбнулся.

– Да. Полагаю, в самое ближайшее время господин Осокин напишет соответствующее заявление.

Гнатюк растерянно моргнул и недовольно поморщился, как от лимона.

«Не ожидал?» – подумал Артем и добавил:

– У Осокина травма ноги и ссадины на лице, господин следователь. Судя по всему, они получены во время нахождения в СИЗО. Я пока еще не являюсь официальным представителем Дмитрия Осокина, но настоятельно советую не закрывать на это глаза. Данный факт требует проведения внутреннего расследования.

Капитан непроизвольно поднял папку на уровень груди, словно пытался таким образом защититься от назойливого адвоката.

– Я очень признателен вам за заботу, – сухо произнес он. – Артемий Андреевич, вы, наверное, очень спешите. Не смею задерживать.

– Увы, да. Но я надеюсь, что в самое ближайшее время мы снова с вами увидимся, – ответил Павлов и зашагал по длинному коридору к выходу.

На улице он глубоко вздохнул, вынул сотовый телефон и набрал Веронику.

– Слушаю вас, Артемий Андреевич, – отозвался взволнованный голос.

– Еще раз здравствуйте. К сожалению, пока мне вас нечем порадовать, – сказал Павлов. – Ваш брат не пошел на контакт. Он сказал, что во всем признался следователю, но у меня большие сомнения...

– Вы думаете, его запугали?

– Сейчас бессмысленно гадать. Он не был настроен на беседу с самого начала.

– Боже, какой же он идиот. – Осокина вздохнула. – Артемий Андреевич, мне очень неловко, что мы поставили вас в такое положение.

– Не извиняйтесь, вы совершенно не виноваты в этом, – успокоил женщину адвокат.

– У него депрессия, я уверена. Дима просто не понимает всю важность происходящего.

– Возможно. Еще мне показалось, что ваш брат чем-то очень напуган. Особенно когда речь зашла о его сыне. – Он услышал всхлип и мягко произнес: – Вероника, давайте поступим так. Вы должны попасть к Дмитрию на свидание и поговорить с ним. Мы не сможем помочь ему, пока он сам не захочет этого. Не мне вам напоминать старую притчу о том, что двое мужчин смогут насильно привести барана на водопой, но даже тридцать не в состоянии заставить его пить. Так что все в руках вашего брата. Уж простите за такое сравнение.

Вероника грустно усмехнулась.

– Да уж. Все верно, чего уж там. В свете всего того, что натворил мой брат, баран – самое мягкое сравнение. Вы абсолютно правы.

– Все зависит от него, – повторил Артем. – Добавлю, что действовать нужно немедленно, пока дело еще на начальной стадии расследования.

– Я все поняла.

– Да, чуть не забыл. Где был ваш брат, когда его задержали?

– На нашей даче, – ответила Вероника. – У нас небольшой домик по Можайскому шоссе. Он был там вместе с сыном.

– Кто-то может подтвердить, что Дмитрий находился на даче, когда погиб Ганакян? Соседи? Родственники? Друзья?

– Не знаю, – неуверенно проговорила женщина. – Может быть.

– Это нужно обязательно выяснить. Нам также потребуются записи с камер видеонаблюдения, которые могли зафиксировать автомобиль Ганакяна. Следует найти свидетелей их драки в баре. Наконец, куда делись деньги, которые якобы присвоил Дмитрий?

Вероника подавленно молчала.

– Не расстраивайтесь, – сказал Артем. – Вам не в чем себя винить. Постарайтесь отбросить эмоции и взглянуть на это дело с прагматичной точки зрения. Только логика, факты и конечная цель. Разумеется, в рамках закона. Понимаете меня?

– Да. Спасибо, что вы так внимательны.

– Бросьте. В конце концов все мы люди, Вероника.

– Я вам позвоню, как только у меня будет разрешение на встречу.

– Обязательно.

В мобильнике послышались гудки.

Артем неожиданно вспомнил бледное лицо Дмитрия, его глаза, преисполненные болью и мукой.

«Его просто используют», – подумал адвокат.

Теперь Павлов почти не сомневался в этом. Осталось разобраться, кто и зачем.

Новый заказ

«Сегодня всю ночь идет дождь. Хочется курить, свои сигареты закончились еще вечером, но будить ребят по этому поводу не стану. И вообще пора бы завязывать с куревом. Лежу и слушаю, как барабанят капли по крыше. Ночью приснились Оля и Иришка. Только недавно вдруг подумал, что дочке осенью в первый класс!..

В нашей группе новый командир. Его назначение не было секретом. После того как комиссовали Алекса, то есть Серегу Трошина, из управления буквально на днях прислали другого.

– Для вас я Франц, – представился он, улыбаясь.

Когда этот тип улыбается, я почему-то всегда представляю себе акулу с разинутой пастью. Хотя внешне он всегда с иголки, даже ногти себе подравливает специальной пилочкой. Хм, ненавижу подобную гламурщину!

Майор. Аж на целое звание старше меня. Судя по всему, не приглянулся я ему с самого первого дня нашего знакомства, в общем-то, как и он мне. Но субординацию никто не отменял, тут не до церемоний. Приказы по уставу положено выполнять беспрекословно, это не обсуждается.

Поворочавшись на кровати, встаю. Гляжу на часы. Скоро светать начнет. Тихо выхожу наружу, чуть ли не кожей ощущая, что рядом кто-то есть. Резко оборачиваюсь.

– Тоже не спится? – спрашивает Франц и прикуривает.

– Дождь разбудил, – говорю я.

Франц кивает, будто и не нуждался в моем ответе. Протягивает мне сигарету.

Я не двигаюсь.

– Бери, Айк. – Он бросает на меня сочувственный взгляд.

Я машинально беру сигарету. Про себя удивляюсь, почему у меня к нему такое внутреннее недоверие? И Йозеф, и Отто, и вообще все наши пацаны равнодушно отнеслись к его появлению. Только не я.

Франц опять раздвигает губы, рот его разъезжается, как резаная рана. Глаза напоминают осколки стекла, в которых отражается огонек сигареты.

Я смотрю на него и опять думаю о бескрайних глубинах, которые рассекают серые тени морских убийц. А еще я чувствую резкий запах пота, исходящий от него. Никто из нашей группы не благоухает, как роза, но от Франца исходит какая-то особенная вонь. Смесь гнилой капусты с плесенью.

– Завтра пойдем на восток, – говорит он, и дым выходит из его рта аккуратными кольцами. – В Ишхой-Юрте люди Джамала взяли одиннадцать заложников. Среди них трое детей.

Я знаю это. Франц мог бы не продолжать.

– Утром оперативка. Потом сборы. Выдвинемся ночью. Если возьмем Джамала живьем, готовы дырку для звезды.

– За сутки их могут убить, – замечаю я, а сам непроизвольно думаю о своих капитанских погонах.

Сука Франц знает, на какие кнопки нажимать.

– Айк, у меня приказ.

Конечно. Такой тип, как Франц, и по малой нужде в кусты не сходит без указания сверху. Штабной крысеныш!

– В группе Джамала больше двадцати голов, – говорю я.

– А нас – семь, – сообщает Франц.

Мне хочется расхохотаться. Будто я не знаю состав нашего подразделения.

«Шесть», – хочу сказать я, подразумевая, что если начнется заваруха, то толк от Франца будет нулевой.

– Ты же снайпер, – говорит он, не глядя на меня.

Это что, комплимент? Или намек на то, что каштаны из огня буду таскать я один?

Я ничего не отвечаю, только изредка стряхиваю пепел с сигареты.

Он бросает окурок в лужу и смотрит на меня. В упор, не стесняясь, как на допросе.

– Я тебе чем-то не угодил, Айк?

Я молчу. Глубоко затягиваюсь. Франц смотрит на меня слегка озадаченно.

Я пожимаю плечами:

– Разве это важно сейчас? Ты командир, я твой подчиненный. Как пел Цой, эта схема проста.

– Между нами не должно быть разногласий. Мы сюда не куличики приехали лепить.

– Ты сам сказал, что у тебя приказ, – напоминаю я.

Франц снова кивает и смотрит на небо. Взгляд его напряжен. Он будто ждет какой-то сигнал.

Я демонстративно тушу окурок пальцами и ухожу.

До подъема еще целых сорок минут, и я постараюсь выспаться».

Виктор отложил в сторону ручку, потер глаза, взглянул в окно. Кошмар, привидевшийся этой ночью, не дал ему возможности заснуть снова, и он сел за мемуары. По крайней мере, это занятие как-то отвлекало его.

Хотя, по сути, то, что изначально начиналось как дневник, в настоящий момент уже начало напоминать художественное произведение, чего он сам от себя не ожидал. Виктор никогда не поверил бы, что в нем, солдате, имеющем за спиной семнадцать лет боевой выслуги, из которых шесть – в горячих точках, внезапно проснется писательский азарт.

«Это не азарт, – сказал Виктор самому себе, закрывая блокнот. – Просто в такие моменты ты забываешь о своей беде».

Да, погружение в прошлое на некоторое время избавляло его от мучительных воспоминаний, связанных с Олей и Иришей, которые так нелепо погибли.

По его вине.

Он достал из внутреннего кармана бумажник, раскрыл его и долгое время без отрыва смотрел на слегка измятое фото. Кажется, снимок был сделан года три назад. Да, Ириша уже перешла во второй класс. Фотограф сказал что-то смешное, отчего на светлых лицах жены и дочки сияли счастливые улыбки.

А вот он не улыбался. Кончики его губ были лишь слегка приподняты вверх, будто бы Виктор стеснялся своих чувств, хотя, наверное, в ту минуту он тоже был счастлив.

Впрочем, если быть откровенным, веселиться ему что-то не очень хотелось. Виной тому дикая, совершенно бессмысленная и жестокая война в Чечне. Дни, проведенные в плену у боевиков. Виктор не забыл и о том, как его, боевого офицера спецназа ГРУ, снайпера экстра-класса, на счету которого двести двадцать девять жизней, комиссовали по надуманным обстоятельствам.

Он держался, не поддавался искушению утопить депрессию в бутылке. Стиснув зубы, брался за любую работу и повторял про себя, что все это временно, ненадолго. Надо просто чуть-чуть потерпеть, и все образуется.

Коновалов верил, что они разберутся, поймут, что совершили ошибку, выставив его из вагона того самого большого поезда, который казался ему крепким и хорошо отлаженным. Виктор считал, что бригада, ведущая этот поезд, не бросает своих пассажиров, бережет и охраняет их.

Но его не позвали. Никто не стал разбираться, как и почему их разведгруппа попала в засаду, тем более что в живых остался только он один, не считая Франца, но о нем отдельный разговор.

Если разговор о Викторе среди его руководства и шел, то так, между делом:

- Как быть с Айком? Ваши мнения?
- Отслужил свое.
- Согласен.
- Пусть скажет спасибо, что пенсию назначили.
- Есть возражения?

Вероятно, именно так решалась его судьба, когда стало известно, что Виктор Коновалов, капитан отдельной гвардейской бригады специального назначения Южного военного округа, вопреки слухам, оказался жив, а не убит, как было сообщено ранее в прессе.

Мужчина медленно прикоснулся к фотографии губами. В уголках его глаз показались слезы.

– Ничего подобного не произошло бы, – прошептал Виктор, убирая бумажник. – Я не попал бы в плен. Меня не уволили бы. Мы с Олей не ссорились бы. Она... – Его лицо исказила гримаса, словно он испытывал физическую боль. – Я следил бы за своей машиной. Оля не разбилась бы на ней. Вместе с Иришей... – На последнем слове голос Виктора дрогнул, он выпрямился и поглядел в окно.

Сквозь пыльные, давно не мытые стекла начали робко проглядывать первые лучи солнца. «Франц! – стучало у него в висках. – Франц, Франц!»

Этот убудок положил начало его концу. Вот кто виноват в том, что жизнь Виктора развалилась словно карточный домик при неосторожном движении.

Поэтому он начал писать мемуары. Ведь только так бывший офицер мог вспомнить мельчайшие подробности тех дней. Он испытывал неизъяснимое, мазохистское наслаждение, прогоняя в памяти чуть ли не каждую минуту, проведенную в очаге боевых действий во время чеченской войны.

Виктор не сразу понял, что на столе жужжит его сотовый, и равнодушно посмотрел на него.

«СМС-сообщение должно прийти в шесть утра», – шепнул ему внутренний голос.

Виктор встрепенулся, вынырнул из забытья, муторного и тяжелого, как похмелье.

Да, конечно. Он на квартире «Профсоюза», который поручил ему выполнение очередного заказа. Скромная однушка в спальном районе Бирюлево. Спартанская обстановка – диван, стол, шкаф, крошечный телевизор, на кухне плита и холодильник. А что еще надо?

Он открыл сообщение. Номер абонента, с которого оно пришло, не определился, но Коновалова это не удивило. Все нормально.

В сообщении был набор цифр и всего одно слово: «Удачи».

Не отключая телефон, отставной капитан прошел в ванную. Он убрал резиновый коврик с пола, затем отодвинул пластиковый контейнер для грязного белья, присел на корточки и осторожно нажал на одну из плиток в стенке. Раздался тихий щелчок, и прямо посреди пола на сантиметр приподнялся небольшой квадрат, соединяющий между собой плитки.

Этот накладной участок пола, под которым располагалась ниша, был сделан совсем недавно и очень толково. Различить грань между настоящей плиткой и бутафорией, скрывающей потайной сейф, было практически невозможно.

Виктор аккуратно сдвинул маскировку в сторону, обнажил темно-матовую поверхность сейфа. Он набрал комбинацию цифр, которые высветились в присланном сообщении, и открыл тяжелую дверцу. Внутри лежали черные брюки, светло-зеленая рубашка, белоснежное полотенце и два непрозрачных пакета.

Он знал, что в одном из них находился грим, который должен был изменить его внешность до неузнаваемости. Во втором было то, с помощью чего он собирался выполнить сегодняшнее задание.

Через сорок минут на него из зеркала смотрел жгучий брюнет с аккуратной бородкой-испанкой. Щеки Виктора заметно округлились благодаря специальным силиконовым шарикам. Он придиричиво осмотрел парик. Ни один волосок его настоящей шевелюры не должен быть замечен, а тем более утерян во время операции.

Виктор вспомнил как Санитар по этому поводу приводил в пример некоего Отшельника, с которым ему когда-то доводилось работать. Мол, тот парень за сутки до выполнения заказа сбрасывал вообще всю растительность со своего тела, вплоть до ресниц.

Виктор остался доволен своей новой внешностью и открыл второй пакет. Он вынул оттуда «ПММ-12», он же «Грач-3», проверил обойму. Запасную засунул под широкий кожаный браслет, прикрытый рукавом рубашки. Коновалов искренне верил в то, что до нее дело не дойдет. Хотя в его работе случается всякое, и форс-мажор во время операции – обыденное дело.

Поверх рубашки Виктор надел легкую куртку, включил телефон, стер только что полученное сообщение. Затем он подошел к окну, уставился на поблескивающий золотом купол небольшой церквушки и перекрестился.

«Прости меня, Господи, за грехи мои».

Виктор вышел из квартиры и неторопливо зашагал в сторону автобусной остановки.

Через полтора часа он был на месте. По дороге Виктор купил в киоске несколько газет, а в хлебной палатке – сдобную булочку. Ему пришлось несколько минут побродить по скверу, пока не освободилась нужная ему лавочка.

Камеры видеонаблюдения этот участок не охватывали. Он выяснил это накануне. Отсюда Виктор отлично видел вход в ресторан, к которому в скором времени должен был подъехать клиент, интересующий его.

Информация о том, что этот субъект является посредником между двумя крупными наркодилерами, подтвердилась. Никаких препятствий для исполнения заказа больше не было.

То существо, появления которого он терпеливо ждал, кроша между делом булку голубям и поглядывая в газету, уже не было для него, к примеру, неким Ваней Егоровым. Для Коновалова вообще уже не имели ни малейшего значения его имя, пол, возраст, спортивные и политические предпочтения и какие-либо другие отличительные признаки. Он был для него просто клиентом, серым и безликим, которого нужно ликвидировать любым способом. Утилизировать его, как мусор.

Виктор всегда проводил предварительную проверку своих клиентов. Таково было негласное правило отставного капитана. Только после этого он принимал окончательное решение. Как говорится, «Казнить нельзя помиловать», и запятую в данном случае ставил он.

Бывший снайпер ГРУ без сожаления ликвидировал всех тех негодяев, по вине которых страдали обычные граждане. Убийцы, члены ОПГ, бандиты, наркоторговцы, террористы, насильники и педофилы!.. Жизни этих существ он стирал словно ластиком, не испытывая при этом никаких угрызений совести.

Виктор под благовидными предложениями уклонялся от работы, если сведения, собранные им, свидетельствовали о том, что человек, заказанный ему, являлся вполне нормальным и не заслуживал смерти. Это исключение касалось детей и подростков младше восемнадцати лет.

Да, заказ в таком случае передавался другому исполнителю. Одно время совесть настойчиво твердила бывшему офицеру, что, по сути, жертва все равно будет умерщвлена, а он попросту слился. Но через непродолжительное время она постепенно успокоилась.

Ему хватало своих снов, от которых он не мог избавиться вот уже несколько лет. В своем сознании Виктор провел для себя жирную черту и дал себе слово, что не перейдет ее. Да, он наемник, фактически палач. Его действия порождены внутренним убеждением, которое может не совпадать с официальными принципами добра и морали. Но таков уж этот мир, жестокий и несправедливый. Виктор выживал в нем так, как считал необходимым.

Каналы, по которым он получал информацию, были надежными на сто процентов. Виктор хорошо оплачивал работу своих осведомителей. Его не интересовал мотив заказа, было достаточно изучения сведений, переданных ему.

Собственно, «Профсоюзу» были безразличны отношения между заказчиком и клиентом. Самое главное для клуба – надежность лица, обратившегося к нему. Сделать заказ в «Профсоюзе» можно было лишь через десятые руки, после предварительной проверки субъекта, желающего лишить кого-нибудь жизни. Разумеется, финансовая сторона вопроса имела немалое значение.

Узнай боссы «Профсоюза» о самостоятельности Коновалова, он сам сразу же оказался бы в числе заказанных. В связи с этим Виктор всегда принимал все меры предосторожности, какие только возможны.

Дисциплина в организации, на которую он работал, была похлеще, чем на его прежней службе. Все действия исполнителей строго регламентировались неписаным уставом «Профсоюза», главный принцип которого сводился, в общем-то, к уголовной формуле: «Вход – рубль, выход – два». Иными словами, добровольно выйти из «Профсоюза» можно было только ногами вперед.

Правда, в качестве альтернативного варианта рассматривались отступные, но размер взноса за выход из клуба наемных убийц был настолько высок, что позволить себе откупиться от своих соратников мог далеко не каждый. Это при том, что никто из членов организации не бедствовал.

Члены «Профсоюза» не стремились покидать его ряды еще и по другой причине. Устав, только что упомянутый, провозглашал неприкосновенность любого бывшего члена клуба в случае полного расчета с «Профсоюзом». Но никто и никогда не давал гарантию, что с недоумком, пожелавшим начать новую жизнь, впоследствии не приключится что-нибудь фатальное и летальное.

Например, какой-либо несчастный случай. Уж кого-кого, а специалистов по инсценировке случайных смертей в «Профсоюзе» хватало. Поэтому процент персонажей, уплативших выкуп за расторжение контракта с клубом, был ничтожно мал. Никто не хотел рисковать.

Вскоре булка закончилась, и Виктор развел в стороны руки, будто извиняясь перед птицами, копошащимися возле его ног. Он потянулся, мельком посмотрел в сторону итальянского ресторана. Его глаза сузились, когда он заметил, как рядом с входом в заведение остановился черный «Мерседес».

Коновалов отряхнул ладони. Цепкий взгляд снайпера сразу выхватил клиента среди троих, вышедшей из автомобиля.

Вот он. В узких кругах это существо известно как Ирландец. Его усилиями были ввезены в страну и распространены среди молодежи тонны белой смерти.

Виктор взглянул на часы и понял, что у него еще есть несколько минут. Он расслабленно вытянул ноги, краем уха слушая маленькую девчушку, которая с упоением рассказывала бабушке, что у них было сегодня на уроке.

Ирландец недовольно покосился в сторону официантов, снующих туда-сюда.

– Ты заметил, какие у них рубашки, Валера? – обратился к нему расплывшийся от жира дядечка лет сорока семи. – Зеленые, как поганки.

– Мне плевать, какие у них рубашки, – буркнул Ирландец и резко сцепил руки перед собой. – Я с утра ничего не жрал.

Коротко стриженный мужчина атлетического сложения, расположившийся напротив наркоторговца, с интересом смотрел на непрекращавшийся тремор его пальцев. Ногти Ирландца были изгрызены чуть ли не до мяса.

– А мне кажется, что тебе кое-чего другого не хватает, – заявил он.

Ирландец поднял на него тусклый взгляд.

– Серый, я в порядке. И вообще тебя это не касается.

– Касается, – жестко сказал тот. – Мы специально заранее договорились об этой встрече. У нас есть правила, и ты под ними подписался. Мы работаем в связке только при их соблюдении. Если ты решил пойти по стопам своих клиентов, то скатертью дорога.

– Я не понимаю, как это мешает нашему делу. – Взгляд Ирландца стал беспокойным.

Его визави ухмыльнулся и проговорил:

– Мы тут не в танчики играем, Валера, а решаем серьезные вопросы. Мне анархия не нужна.

Никто из них за разговором не обратил внимания на неприметного мужчину, который вошел в ресторан и проскользнул в туалет. Через две минуты он вышел оттуда. На нем была бледно-зеленая рубашка, точно такая же, как у обслуживающего персонала ресторана. Через руку мужчины была перекинута куртка, поверх нее – белое полотенце.

– Ты зря со мной так разговариваешь. – Ирландец покачал головой. – Я не испытываю недостатка в поставщиках и покупателях, Серый. Если ты видишь в чем-то проблему, то я просто уйду, и все. Хочешь сотрудничать – давай приступим к делу. У меня не так много свободного времени, чтобы тратить его на тупые разговоры ни о чем.

Губы Серого тронула нехорошая улыбка.

– Я не привык иметь дело с наркошами, – чеканя каждое слово, произнес он. – А ты постепенно, но верно становишься таковым, Валера. Просто так ты отсюда не уйдешь. Это тебе не тусовка в студенческой общаге.

– Парни, остыньте! – нервно проговорил толстяк, вытер потную лысину салфеткой и воскликнул, чтобы хоть как-то разрядить накалившуюся обстановку: – И правда, чего это они так долго с заказом тянут?!

Мужчина в зеленой рубашке тут же совершенно бесшумно, как тень, появился у их столика.

Ирландец с раздражением посмотрел на него и рявкнул:

– Сколько еще ждать?

– Ваш заказ готов. – Виктор широко улыбнулся, мягко приподнял край полотенца, брошенного на правую руку.

В лицо опешившему Ирландцу уставился ствол.

– Приятного аппетита, – прозвучал голос фальшивого официанта.

Хлоп, хлоп.

Толстяк скрипнул стулом, в ужасе глядя, как Ирландец обливался кровью и сползал на пол. Его ноги конвульсивно дернулись, и через миг он уже затих.

Серый начал было поворачиваться, при этом его рука нырнула во внутренний карман бежевого пиджака, но третий выстрел Виктора разбил ему глаз. Голова мужчины резко откинулась назад, из смертельной раны заструилась кровь.

– Не надо, – жалобно провыл толстяк.

Он не мог поверить в происходящее. Этот незнакомец расправился с его партнерами меньше чем за пять секунд. Теперь он наверняка убьет его.

В зале воцарилась тишина.

– До свидания, – вежливо попрощался официант, прикрыл полотенцем пистолет, развернулся и стремительно зашагал в сторону кухни.

Он оттолкнул настоящего официанта, оказавшегося на его пути, и скрылся за дверью.

Откуда-то справа донесся женский крик. Кто-то начал звонить в полицию, кто-то с опаской приблизился к столику и смотрел на неподвижные тела.

Толстяк дышал, словно сом, выброшенный на берег. Перед его глазами все плыло, как в тумане. В паху неожиданно стало тепло, но только спустя какое-то время до него дошло, что он обмочился.

– Вызовите «Скорую»! – наконец-то выкрикнул толстяк.

Стратегия защиты

Вероника позвонила Павлову на следующий день.

– Артемий Андреевич, добрый день! Я вас не отвлекаю?

– Здравствуйте, Вероника. Ни в кой мере.

– Я была у Дмитрия сегодня утром. Он... – Женщина вдруг замялась, не решаясь продолжать. – В общем...

– ...он согласился на замену адвоката, правильно? – мягко закончил вместо нее Павлов.

– Откуда вы знаете? – В голосе Осокиной слышалось неприкрытое изумление.

– Назовите это предчувствием, – ответил Павлов.

– Вы сейчас очень заняты?

Артем сказал, что намеревался пообедать, и пригласил женщину составить ему компанию.

– Как насчет парка в Коломенском?

– С удовольствием, – незамедлительно согласилась она.

– Там есть одно неплохое заведение. Вы далеко сейчас находитесь?

– Я подъеду в течение часа.

– Договорились. Жду.

Вскоре они уже сидели в небольшом уютном кафе на открытой веранде. Официант ушел выполнять заказ, а Вероника передала Артему копию заявления брата о желании сменить защитника.

– Оригинал у следователя? – задал вопрос Павлов.

– Да.

– Скажите, как он объяснил свое решение? Мне просто интересно.

Вероника помрачнела:

– Диму вчера допрашивали. Буквально сразу после вашего визита. Там присутствовал его прежний адвокат. Следователь писал в протоколе допроса все, что ему было необходимо, даже не спрашивая Диму. Когда настало время подписывать протокол, мой брат перечитал его и сказал, что хочет изменить показания.

– Вот как. Интересно, – проговорил Артем.

– Дальше начался самый натуральный балаган. Следователь спросил, что именно собирается изменить в своих показаниях Дмитрий.

– И?..

Вероника вздохнула:

– Он сказал, что не совершал убийства. Адвокат при этом, по словам Димы, разве что не зевал от скуки да все на часы посматривал.

Павлов внимательно посмотрел на женщину. Загорелая, с распущенными волосами, выразительными темно-синими глазами, сейчас она была просто бесподобна. Ничто так не украшает женщину, как борьба за справедливость.

– А разве вы сами верите в виновность своего брата?

– Не знаю, – призналась она. – Дима... он слишком непредсказуем. Прямо как та бомба, которую он мог бы смастерить. Только с неисправным механизмом. Никто не знает, когда она рванет. Понимаете?

– Вполне. – Артем кивнул. – Слишком много факторов играют против него.

– После его слов следователя будто подменили, – продолжала Вероника. – Гнатюк был разозлен, взбешен просто. Он сказал, что изменение показаний ничего не решит. Дима все равно получит пожизненный срок. Потом добавил, что в деле есть чистосердечное признание

моего брата. Более того, в какой-то момент Дима заметил, как адвокат и следователь переглянулись. Защитник при этом покачал головой.

Официант принес поднос и начал аккуратно расставлять блюда.

– Этого следовало ожидать, – проговорил Артем, когда тот удалился. – Извините, но это не защитник, а предмет интерьера, так, для галочки, чтобы создать видимость соблюдения уголовно-процессуального закона. Вам нужно было от него избавляться сразу же, немедленно.

Вероника выглядела растерянной.

– Как это? Вы хотите сказать, что они договорились обо всем заранее? – спросила она.

– Сейчас это уже неважно, – сказал Павлов. – Причин этого может быть несколько. Главное – отстранить этого горе-юриста от дела. – Он подцепил вилкой кусочек рыбного филе и заметил, что женщина даже не притронулась к обеду. – Ешьте, пожалуйста! Нам нужно принять кое-какие решения, а на пустой желудок голова работает неохотно, – сказал Артем.

Вероника чуть заметно улыбнулась, помедлила и принялась за еду.

– Наверное, Дима тоже понял это, поэтому у него появилось желание бороться до конца, – через какое-то время произнесла она. – Более того, он очень боится за своего сына. Это еще один повод, почему я решила встретиться с вами.

Павлов сделал глоток прохладного морса.

– Я был уверен, что его ребенок играет значительную роль во всем этом, – резонно заметил он.

– Вы оказались правы. Дима рассказал мне про деньги. Я имею в виду те, из-за которых у него возник конфликт с Ганакяном. Он признался, что сам снял их со счета фирмы, после чего оплатил лечение своего мальчика...

– Постойте, Вероника, – прервал ее Артем и отодвинул пустую тарелку в сторону. – Давайте подробнее.

Женщина замялась, собираясь с мыслями. Сейчас она хотела как можно подробнее рассказать Павлову суть дела.

– Насколько мне известно, компания, в которой работали Дима и Ганакян, оформлена на моего брата. То есть номинально директором был он, но все судьбоносные решения по этой фирме принимал Харен. Так вот, Дима мне признался, что после очередного обследования его сына врачи сообщили ему, что требуется дополнительный курс процедур. Иначе мальчик вообще никогда не встанет на ноги. – Неожиданный порыв ветра взлохматил волосы Вероники, она завела волнистую прядь за ухо и продолжила: – Я не знала об этом, о чем сейчас очень жалею. Но Дима поступил по-своему. Никому не говоря, он издал приказ о премировании сотрудников фирмы, но никто его не видел. Потом мой брат обналичил деньги и передал их в реабилитационную клинику. После этого о происшедшем узнал Ганакян, и, естественно, между ними произошел конфликт. Чтобы его уладить, Дима предложил встретиться в кафе, где они не пришли к компромиссу и подрались. Дальше вы знаете.

– Тяжелое состояние ребенка отчасти оправдывает действия вашего брата и даже может быть принято судом в качестве смягчающего обстоятельства, – произнес Артем. – Но только в части, касающейся его финансовых махинаций. Согласитесь, что одно дело – присвоение денег и совершенно другое – убийство общественно опасным способом. По факту это террористический акт. Разница в степени ответственности между такими преступлениями огромная.

– Я понимаю.

– Кстати, о какой сумме идет речь? – полюбопытствовал Павлов.

– Полтора миллиона рублей.

Адвокат сделал пометку в блокноте.

– И самое главное, Артемий Андреевич... – Вероника запнулась и умоляюще посмотрела на адвоката.

Павлов перехватил взгляд женщины.

– После той ссоры в баре Дима поехал на дачу и не выезжал оттуда.

– А как же его сын?

– Мальчика положили в больницу через день после того, как деньги были сняты со счета компании.

Артем снова стал что-то черкать в блокноте и осведомился:

– Кто-то может подтвердить, что ваш брат был на даче в этот промежуток времени?

Помните, я спрашивал об этом?

Вероника радостно встрепенулась.

– Рядом с нами живет пожилая пара, пенсионеры. Они с весны там постоянно находятся.

Эти люди вполне могли видеть Диму.

– Вам нужно съездить на дачу, причем как можно быстрее, – сказал Артем. – Человеческая память недолговечна, особенно у людей в возрасте. Если они видели Дмитрия, то уговорите их дать показания в его защиту.

– Я попробую.

– У вас получится. Если возникнут проблемы, звоните. – Он поднялся.

– Вы сможете вытащить его из СИЗО? – с надеждой спросила Вероника.

– Я никогда не даю обещаний, если у меня есть хотя бы малейшие сомнения в том, что они могут быть исполнены, – ответил Павлов. – Я с вами откровенен. В этом непростом деле много темных пятен. Оно требует кропотливой работы. Давайте так, Вероника. Со своей стороны я сделаю все, что в моих силах. Но я не Господь Бог, а адвокат, и мое оружие – закон. Давайте надеяться, что победа будет на нашей стороне.

Вероника неожиданно коснулась его локтя. Это ее движение было мимолетным, как дуновение легкого ветерка.

– Я не буду назойливой. Спасибо... Артем.

Они попрощались, и лишь потом, заводя автомобиль, Павлов отметил, что Вероника впервые за все время их знакомства назвала его просто по имени.

Министр

Широкоплечий мужчина лет пятидесяти в сером строгом костюме остановился возле приемной. На массивной латунной табличке было выгравировано: «Министр внешней торговли Российской Федерации Кольцов Василий Николаевич».

Визитер заглянул внутрь.

– Машенька, добрый день! Василий Николаевич на месте?

Девушка, поливающая из крошечной лейки цветы на подоконнике, обернулась.

– Здравствуйте, Виталий Романович! Да, он у себя.

– Мне с ним переговорить нужно. Дело государственной важности, – сказал посетитель заговорщическим тоном, и Маша улыбнулась.

– Никого не впускай к нам. И не соединяй, если кто будет звонить, хорошо? – С этими словами он поставил на стол подарочную упаковку какого-то заморского чая.

– Ой, спасибо. – Секретарша зарделась.

Посетитель вошел в кабинет и прикрыл за собой дверь.

Мужчина, сидевший за громадным столом, поднял голову, и лицо его озарила улыбка.

– Входи, Виталий. Рад тебя видеть.

Мужчины поздоровались.

– Чаю? Кофе? – предложил министр, но посетитель отказался. – Есть коньяк. Хотя о чем это я? Ты ведь не пьешь.

– Как и ты, – сказал Виталий Романович. – Но зачем-то держишь его у себя.

Кольцов пожал плечами, отодвинул в сторону исписанный лист бумаги.

– Не забывайте, господин Фрай, что мне приходится принимать многих людей по самым разным поводам.

Виталий Романович заметил на столе лист с записями, сделанными от руки.

– Я тебя отвлек?

– Если бы это было так, то мы сейчас не разговаривали бы. – Кольцов улыбнулся. – Готовлю доклад по вопросам импортозамещения. Сам понимаешь, какая ситуация сейчас на рынке.

Фрай покачал головой.

– У тебя в министерстве целое управление делопроизводства и куча помощников. А ты сам, от руки текст пишешь?!

– Я привык отвечать за каждую цифру, Виталий, – заявил министр. – Лучше я сам вникну в проблему, нежели зачитаю текст по бумажке. Не хочу что-то мямлить и иметь бледный вид, когда не смогу ответить на неожиданный вопрос президента.

– Резонно, – согласился Виталий Романович, еще раз взглянул на листок, исписанный убористым текстом, затем осмотрел мебель.

Обстановка очень простая, близкая к спартанской, ничего лишнего и вычурного. Рабочий стол с компьютером, несколько стульев, небольшой диван с журнальным столиком и высокий шкаф с книгами, больше ничего.

– Ты динозавр, Василий Николаевич, – произнес он.

– Что, такой ужасный? – с усмешкой спросил министр.

– Нет, просто исчезающий вид, – пояснил Фрай. – Прости, но на фоне других членов правительства ты выглядишь самой настоящей белой вороной.

Василий Николаевич снисходительно улыбнулся. Виталий, его помощник по безопасности, никогда не приходил без новостей. Но у данного субъекта имелась одна характерная черта. Он не мог обойтись без долгих прелюдий.

Фрай понял, о чем думает Кольцов, и сказал:

– Ладно, я ведь, как ты понял, не просто так пришел.

– Я слушаю, – проговорил министр, и его голос сразу посерьезнел.

– Мне нет нужды тебе говорить о Бильдебергском клубе, – начал Виталий. – В июне этого года прошло его шестьдесят третье ежегодное заседание, в ходе которого рассматривалась одна из ключевых проблем современности: разработка механизмов глобального управления.

– Это не секрет, – заметил Кольцов, когда его помощник по безопасности сделал паузу. – Заседания этой организации всегда проводились в режиме строжайшей секретности, отчего в обществе и возникло мнение, что Бильдебергский клуб, по сути, тайно управляет миром.

– Несмотря на закрытость конференции, список присутствующих, темы, обсуждавшиеся на ней, и суть состоявшихся дискуссий определить было не так уж и сложно, – сказал Фрай. – Кроме европейской стратегии, ИГИЛ и прочей шелухи наподобие долгов Греции, был затронут вопрос украинского конфликта и, как следствие, взаимных санкций, антироссийских и наших по отношению к Западу.

– Кажется, я начинаю понимать, к чему ты клонишь, – сказал Василий Николаевич.

– В этом контексте после традиционного упоминания о российском президенте прозвучало твое имя, – негромко проговорил Виталий. – Не спрашивай, как мне это стало известно. Учитывая, с какой активностью наше министерство ввязалось в эту экономическую войну, я удивлен, что ты еще сидишь в своем кресле. Василий Николаевич, ты сам знаешь, сколько потеряла Европа после того, как твое ведомство вышло с инициативой запретить импорт продовольственных товаров. Я уж молчу о том, какое количество рабочих мест было потеряно из-за этого.

– Складывается такое ощущение, что ты вынуждаешь меня искать слова оправдания. – Кольцов удивленно вскинул брови. – Так я тебе скажу вот что. Наш президент – достаточно лояльный и терпеливый человек. Иначе...

– Иначе список товаров, запрещенных к ввозу в Россию, пополнялся бы ежедневно, да? – договорил за него Фрай.

– И не только это, – спокойно ответил министр, откинулся на спинку кресла и добавил: – Нельзя сидеть с умным лицом и подставлять по очереди щеки для оплеух, как того требует Библия. Ответ не может быть чисто символическим. Наши оппоненты должны уяснить, что не мы начали это противостояние, которое при любых раскладах ведет в тупик.

– Я не политик, Василий, а всего лишь твой помощник по безопасности, – сказал Фрай.

– А еще ты мой сослуживец, – напомнил Кольцов, а потом добавил уже тише: – И надежный друг. Я не ошибаюсь?

Виталий качнул головой. Вид у него был задумчивый.

– Раз уж пошел разговор начистоту, то у меня есть пара советов для тебя, Василий.

– Конечно, говори. Я ценю твою точку зрения.

– Не сочти меня за бюрократа, но иногда тебе нужно сбавить обороты. Ты... – Фрай помедлил, подбирая слова. – Ты как машина, которая летит по трассе без передышки. Причем на предельной скорости. Двигатель ведь беречь надо. Отдохни. Осмотрись. Не нужно надрыва. Все и так видят, что ты не ради себя жилы рвешь. Ты когда с работы домой уходишь?

Кольцов на мгновение растерялся.

– Не ранее десяти вечера, я проверял, – сказал Виталий. – А у тебя семья, детвора дома папку ждет!

При упоминании о супруге и детях лицо министра потеплело, но он продолжал внимательно слушать помощника.

– У тебя высокие рейтинги среди простого народа, – продолжал Фрай. – А это дорогого стоит. Тебе завидуют многие чиновники. Сказать, почему?

Кольцов молчал, предоставляя старому приятелю самому озвучить мысль.

– Тебя ни разу не вызывали на ковер и не заставляли отчитываться. Все свои задачи ты решаешь в поставленные сроки, претензий со стороны руководства страны к тебе нет. Ты в прекрасной спортивной форме. У тебя безупречная родословная. Твой дед погиб при взятии Рейхстага, а отец был простым инженером. За всю свою карьеру ты не присвоил ни копейки. Не был замечен в скандалах, интригах и прочей мерзости. У тебя прекрасная семья. Она живет тут, в России, а не где-то за рубежом. Ты не имеешь недвижимости за границей, готов довольствоваться «Волгой», в то время как по твоему статусу тебе положена представительская машина. В твоём кабинете нет ручек, обсыпанных алмазами. Список продолжить?

– Не надо.

– Тогда я закончу. Бильдебергский клуб для некоторых – нечто мифическое, аморфное. Но мы-то с тобой знаем, что это совсем не так. Подавляющее большинство важных международных вопросов решается там, кулуарно, среди политиков, олигархов, банкиров, у которых зачастую рыльце в пушку. Мало кому хочется терять свои деньги. К чему я это? Можно много разглагольствовать, а на практике ничего не делать. Многие работают вот так, на прессу, ради сиюминутного пиара. А можно втихую что-то обговорить на междусобойчике, и это решение спровоцирует мировое цунами. – Фрай поднялся из-за стола. – Да, кстати, Василий Николаевич. Добавлю еще кое-что. Ты единственный федеральный министр, который не имеет личной охраны. Это тоже отличает тебя от прочих чиновников подобного уровня. Прошу тебя, подумай об этом.

– Я подумаю, – сказал Кольцов и крепко пожал руку своему помощнику по безопасности. – Огромное спасибо за то, что пришел.

Он проводил друга до двери, потом шагнул к большому окну, за которым накрапывал дождик, и подумал, что Виталий прав. Он не такой, как другие. Своим настойчивым упорством, целеустремленностью и безграничной работоспособностью Кольцов раздражал многих важных особ. Они ненавидели его за нетерпимость к бездельникам, непрофессионалам и назначенцам, поставленным на должности с целью реализации своих меркантильных планов.

Вероятно, для таких людей смещение Кольцова с должности стало бы весьма приятным и значимым праздником. Особенно сейчас, когда после взаимного обмена санкциями министерство, возглавляемое им, начало усиленно продвигать в жизнь ту самую идею, которая так часто озвучивалась политиками, склонными к популизму.

Кольцов представил в правительство программу, в соответствии с которой частным фермерам предоставлялась широкая свобода действий. Он настаивал на избавлении их от гнета закупщиков. И дело сдвинулось. Маховик завертелся, пусть и со скрипом.

– Бильдебергский клуб, говоришь? – пробормотал Василий Николаевич.

Морозящий дождь превратился в ливень.

Он снова сел за доклад, погрузился в цифры и через несколько минут забыл о недавнем разговоре.

Конфликт в салоне красоты

После обеда Артем навел справки о Лилии Ганамян, вдове коммерсанта, погибшего в результате взрыва. Она оказалась директором салона красоты, расположенного в Зеленограде. Свое заведение женщина, не мудрствуя лукаво, окрестила собственным именем.

Павлов бегло взглянул на часы. Можно было отправиться к ней или же навестить Осокина. После недолгого размышления адвокат остановился на первом варианте. Тем более что этот страшный злодей никуда из СИЗО пока не денется. Со своим новым подзащитным он встретится завтра, а вот к супруге убитого у него имеются кое-какие вопросы.

«Кому выгодно подставить Осокина? – задал он вопрос самому себе, заводя свой «Ягуар». – Если, конечно, Осокин в действительности не совершал то, в чем его обвиняют. Любое преступление имеет цель и мотив. Даже маньяк, убивающий жертву, руководствуется некими идеями и соображениями, зачастую дикими, необъяснимыми с точки зрения нормального человека. Но они есть».

На Ленинградском шоссе, как и всегда, образовалась пробка.

Павлов взял мобильный, набрал номер Шамиля.

– Привет, дружище. Уделишь мне пару минут?

– Не вопрос, – отозвался Шамиль.

– Постарайся по своим каналам получить информацию, касающуюся семьи Ганамян. Это в рамках той просьбы, которую ты озвучил на прошлых выходных, помнишь? На твоей даче.

– Конечно, помню, – с готовностью сказал Шамиль.

– У вдовы есть салон красоты в Зеленограде, к которому я сейчас упорно, хоть и медленно, продвигаюсь.

– Я в курсе. Лилия управляет «Лилией».

– Вот и замечательно. Чует мое сердце, что в этом деле замешана темная лошадка. Этому субъекту очень кстати подвернулась такая фигура, как Осокин, – сказал Павлов. – Я жду от тебя известий.

Артем припарковал машину у салона. Двухэтажное белое здание сияло чистотой. На ресепшнере, уставленном стеклянными вазами с лилиями, ему улыбнулась стройная блондинка.

Артем поздоровался с ней и спросил:

– Лилия Аркадьевна на месте?

Администраторша кивнула, вышла из-за стойки и сказала:

– Да, идемте.

Павлов направился за ней, про себя отмечая слишком уж нарочитое покачивание бедер девушки и быстрые взгляды, которые она украдкой бросала на него.

Пройдя по коридору до самого конца, она постучала в приоткрытую дверь.

– Лилия Аркадьевна, к вам посетитель.

– Заходите.

Администраторша услужливо открыла дверь перед Павловым.

– Благодарю вас, – сказал он, и щеки девушки вспыхнули.

Артем шагнул в кабинет, поздоровался с хозяйкой салона и представился.

– Очень приятно, Артемий Андреевич, – сухо промолвила Ганамян. – У вас что-то срочное?

– Позвольте присесть?

– Конечно, простите. Может, кофе? – предложила Лилия Аркадьевна, но Павлов отказался. – Чем могу быть полезна? Прошу меня извинить, но у нас масса дел, – сказала женщина.

Артем изучающее посмотрел на нее и сделал вывод, что меньше всего эта женщина похожа на безутешную вдову.

Госпожа Ганакян выглядела немного раздраженной. Вот, пожалуй, и все эмоции, которые она тщетно пыталась спрятать под маской невозмутимости.

«Нет. Она не только раздражена, но и основательно напугана», – неожиданно отметил Павлов.

– Я не отниму у вас много времени. У меня всего лишь несколько вопросов.

– Только недолго. – Она не удержалась и добавила с явным вызовом: – Значит, вы защищаете этого психопата-убийцу?

Артем спокойно выдержал ее взгляд и ответил:

– Это моя обязанность. А признать человека убийцей может только суд. Я понимаю ваши чувства, Лилия Аркадьевна, но в этой истории много неясностей. За решеткой Дмитрий Осокин, компаньон вашего супруга. Ему грозит немалый срок, возможно, пожизненный. А у него на попечении малолетний ребенок-инвалид.

– Вы напрасно пытаетесь вызвать у меня жалость, – с каменным лицом отрезала Ганакян.

– Разве от этого что-то изменится? – спросил Артем. – Давайте будем говорить откровенно. Обвинения, предъявленные Осокину, слишком серьезны, чтобы при расследовании этого дела пренебрегать какой-либо деталью, пусть на первый взгляд и самой незначительной. Взрывать человека из-за каких-то разногласий по бизнесу – дикость и глупость. Или вы не согласны со мной?

– Пусть в этом разбираются следователи. Что вы от меня хотите?

– Харен вам рассказывал о своем конфликте с Дмитрием?

– Да, – после секундной паузы ответила женщина. – Еще задолго до трагедии он упоминал, что Осокин угрожал ему. – Лилия Ганакян потерла мизинцем уголок губ.

«Не исключено, что она лжет, – заключил Артем, наблюдая за женщиной. – Жесты человека куда красноречивее его слов. Паузы перед ответом, касание руками рта, носа – все это свидетельствует о том, что владелица салона красоты, скорее всего, говорит неправду».

– Ваш подзащитный был заядлым картежником, – продолжала Лилия Аркадьевна. – Харен признался мне, что Осокин крупно проигрался какому-то криминальному субъекту. Поэтому-то он и украл деньги их компании.

– Почему ваш муж не обратился в полицию? – задал резонный вопрос Артем.

– Мне откуда знать?

Их взгляды столкнулись.

– В ваших передачах вы выглядите внушительней, – неожиданно сказала госпожа Ганакян.

– Извините, что не оправдал ваших ожиданий, – с усмешкой ответил Павлов. – Так почему Харен продолжал иметь дело с этим, как вы утверждаете, прохвостом Осокиным?

Лицо Лилии Аркадьевны исказилось кислой гримасой.

– Я не лезла в их дела, – отрезала она.

– Почему Харен не возражал против того, чтобы Осокин взял на себя обязанности генерального директора? Получается, он доверял ему?

Ганакян нервно повела плечами. Весь вид женщины говорил о том, что она начала тяготиться обществом адвоката.

– Я уже все следователю сказала, – отрывисто проговорила она. – Простите. Мне нечего добавить.

Артем понял, что разговор придется прекратить. Здесь он ничего не добьется, только напрасно теряет время.

Он поднялся со стула, и в этот момент зазвонил сотовый телефон госпожи Ганакян. Женщина взглянула на дисплей, и от Артема не ускользнуло, как озарилось ее лицо, будто солнечный лучик пробился из-за туч.

– Привет, – вполголоса сказала Лилия Аркадьевна. – Нет, я пока занята. Еще минут пять, не больше. Хорошо. – Закончив этот короткий разговор, она недвусмысленно посмотрела на Павлова.

– Спасибо за беседу, – сказал Артем. – Последний вопрос, Лилия Аркадьевна. Ваш погибший супруг, судя по всему, был обеспеченным человеком, не так ли?

– Нам хватало, – процедила вдова. – Прощайте, господин Павлов.

– И вам всего доброго! – С этими словами Артем вышел из кабинета.

Блондинка на ресепшене изобразила кокетливую улыбку и осведомилась:

– Все в порядке?

– В полном, – уверил ее Павлов.

Он открыл дверь и чуть не столкнулся с крепко сбитым мужчиной лет тридцати пяти – сорока. У него было загорелое лицо с глубоко посаженными холодными глазами. Массивный подбородок и тонкие губы выдавали в нем человека, привыкшего получать желаемое любыми средствами.

Он скользнул равнодушным взглядом по адвокату, крепко задел его плечом и вразвалочку шагнул к стойке.

– Викуся, привет, – пробасил этот субъект.

– Вам следует держаться поаккуратнее, – раздался голос Артема. – Кроме того, не мешало бы извиниться.

Верзила с недоумением оглянулся.

Девушка-администратор нацепила на свое накрашенное личико дежурную улыбку и замерла.

– Это ты сейчас что-то пробухтел? – осведомился незнакомец так, словно, кроме Павлова и девушки, за стойкой здесь был кто-то еще.

– В следующий раз будьте осмотрительней, – вежливо, но настойчиво произнес Артем. – Кстати, я вам не «тыкал». – Он повернулся к этому хамоватому типу.

Теперь мужчины стояли друг перед другом. Артем был выше незнакомца, но немного уступал ему в плечах.

– Что это за чудик, Вика? – спросил верзила. – Эй, ты кто? Небось какое-нибудь фуфло пришел сюда втюхивать? Хватит с нас рекламы, дядя. Чеши, пока не стал клиентом этого заведения. Причем пожизненным.

Блондинка опустила голову, старательно делая вид, что ее интересует перекидной блокнот-календарь, и ничего больше.

Павлов с грустью покачал головой и сказал:

– А вот это вы зря. Хамство никогда не решало ни одной проблемы.

– Ты о чем, ушлепок? – понизив голос, спросил здоровяк и шагнул к Артему. – Разве у нас есть какие-то проблемы? – Он протянул руку, намереваясь положить ее на плечо адвоката, но в то же мгновение неожиданно хрюкнул от боли.

Павлов перехватил кисть этого наглеца и с силой вывернул ее.

– Пожалуйста, не надо, – испуганно пролепетала девушка-администратор.

– Я плохо расслышал последнюю фразу, – все таким же спокойным и вежливым тоном проговорил Артем. – Наверное, потому, что здесь работает телевизор. Может, повторите?

– Отпусти, – прохрипел верзила.

Его лицо стало багровым, на виске вздулась толстая кривая жила.

– Что я должен сделать? – участливо поинтересовался Павлов, повернул кисть соперника еще немного и принудил того упасть на колени.

Мужчина взвыл от боли.

– Повторите, – настаивал неумолимый гость.

– Извини!

– Я уже говорил вам, что «тыкать» мне не стоит, – бесстрастно напомнил ему адвокат.

– Ладно! – заорал верзила, перестав сопротивляться. – Извините! Нервы сдали.

Павлов несколько секунд смотрел на скорченную фигуру, уткнувшуюся в пол.

– Отпустите его, прошу вас, – пискнула побледневшая девушка.

Адвокат медленно разжал пальцы.

Администраторша была напугана едва ли не до смерти, но все-таки заметила одну весьма любопытную деталь. В процессе показательного «урока», задаваемого Денису, являвшемуся частым гостем их начальницы Лилии Ганакян, у известного юриста даже не сбилась прическа, не говоря уж о спокойном, умиротворенном выражении его лица.

Мужчина с кряхтением поднялся на ноги. Он старался не смотреть в сторону адвоката, потирал вывихнутую кисть.

– В следующий раз на вашем пути может повстречаться не такой миролюбивый человек, как я, – сказал Павлов. – Подумайте об этом.

Верзила что-то невнятно буркнул, но Артем уже открыл дверь.

– Всего хорошего, – сказал он девушке.

– До свидания, – выдавила она из себя.

Когда Павлов вышел из салона, блондинка кинулась к Денису, но тот взглянул на нее таким испепеляющим взглядом, что она не решилась предложить ему помощь. Он скрипнул зубами и направился к кабинету Ганакян.

Администраторша вздохнула. И зачем Лилия Аркадьевна связалась с этим грубияном?!

Артем сел в машину и взглянул на громадный внедорожник цвета металлик. Его внимание привлекли цифры на госномере автомобиля – три девятки. Когда Павлов парковался здесь, этого джипа рядом не было. У адвоката не оставалось никаких сомнений в том, что машина принадлежала тому самому хаму, с которым он только что схлестнулся.

– Кто ты, парень? – вслух спросил Павлов. – Держу пари, ты пришел навестить вдовушку. Скрасить, так сказать, ее траурное настроение.

Он уже намеревался включить передачу, как в кармане завибрировал мобильник. Звонил Шамиль.

– Артем, я уверен, тебя заинтересуют мои новости, – проговорил тот. – Незадолго до смерти Ганакян застраховал свою жизнь. Цена вопроса – десять миллионов.

– Я ожидал услышать нечто похожее, – сказал Павлов. – Не удивлюсь, что пойти на это его уговорила жена.

– На имя погибшего бизнесмена зарегистрированы две квартиры, двушки в центре Москвы, – продолжал Шамиль. – Еще имеется трехэтажный особняк в Балашихе. Про машины я вообще молчу. Ганакян обожал дорогие тачки. У него три представительские иномарки. Детей у Ганакяна нет, сын умер младенцем. Родители Харена тоже давно покойные. Так что единственная наследница – его супруга.

– Я понял, Шамиль. Спасибо.

– Веронике привет. Всегда звони, если нужна помощь.

Павлов уверил друга, что так и сделает.

Слежка

«Дождь прекратился только к полудню. Провели оперативку, поставили задачи.

Выходим ночью. Настроение у Франца меняется, как у ребенка. Он то хихикает без повода, словно псих, то хмурится. Без причины сорвался на Отто. Изредка поглядывает на меня так, будто нас связывает какой-то секрет, причем явственно отдающий гнильцой. Словно мы с ним сделали какую-то мерзость.

После обеда слушаем новости. В Ишхой-Юрте беспокойно, Джамал совсем обезумел. Террористы выдвинули требования освободить боевиков из тюрем. Все наши считают, что власть на это не пойдет. Покажешь слабинку однажды – тебя всегда будут считать половой тряпкой, которой даже сортиры драить противно. На Кавказе только так. Но и жертвовать беззащитными людьми, среди которых дети, – политическое самоубийство. Слишком много внимания приковано к этим событиям, чтобы молча, под шумок накрыть этот долбаный поселок «Градом», чтобы опознавать было некого.

Сейчас так нельзя. Нужно быть гибким, так говорил Алекс, наш бывший командир. Подстраиваться под ситуацию. Да, непростая дилемма.

До операции еще много времени. Решаю вздремнуть.

Я проваливаюсь в сон и вижу себя в открытом море. На мне подводная маска. Солнце нещадно палит, и только прохладные волны спасают от раскаленного марева. Странно, но вокруг никого нет, я один.

Я ныряю, пытаюсь достать до дна. Не получается. Выстреливаю из дыхательной трубки накопившуюся воду, набираю в легкие воздуха. Теперь-то точно достану!.. Ныряю...

Внезапно вижу движение слева. Машинально тянусь к оружию. Дурак, его же нет, я в море, на мне только маска с трубкой и плавки.

На меня движется акула. Громадное, торпедообразное тело не спеша приближается. Я вижу немигающий глаз морского убийцы. Он сверлит меня, вызывая одеревенение конечностей.

«Откуда здесь акула?!» – проносится у меня мысль.

Дыхание перехватывает, я ощущаю полную беспомощность и панику.

Акула открывает пасть, усеянную острыми треугольниками. Она подплывает так близко, что я могу разглядеть ошметки мяса между этими зубами.

– Следуй за мной, Айк.

Голос Франца. Откуда?!

Акула замирает в метре от меня. Я могу коснуться рукой ее носа, грубого и шершавого, иссеченного старыми шрамами.

Она погружается в глубину. Там вечный холод, туда не проникают лучи солнца.

– Не отставай...

Просыпаюсь с хриплым криком. На лбу испарина.

На меня внимательно смотрит Франц. Качает головой, будто я его чем-то разочаровал.

– Ты отключаешься, как наркоман, Айк. Разведчик не должен так спать.

Запах пота, идущий от Франца, заставляет меня сморщить нос. Он что, вообще не моется?!

– Вставай, – цедит майор.

Пошел бы ты на хрен. Поднимаюсь, гляжу на часы. Четыре дня.

– Выходим в восемь, – неожиданно говорит Франц.

Его черные, похожие на капли смолы, глаза буравят меня.

«Он не мигает, – почему-то думаю я. – Словно акула».

Хочется врезать ему в челюсть.

– Почему в восемь? – шепчу я. – Еще слишком светло. Нас всех положат.
– Не положат. Отто привел девчонку из соседнего аула, она знает тропу. Мы спустимся к ним с горы.
Он снова улыбается, и я вижу акулю морду.
– Следуй за мной, – бормочу я, вспоминая сон.
– Что?
Франц выглядит озабоченным, и мне хочется смеяться.
– Нам нельзя выдвигаться так рано.
– У меня приказ, – цедит Франц, начиная терять терпение.
Я затыкаюсь.
– Проверь, чтобы все было в готовности! – приказывает он. – Я не хочу, чтобы в самый ответственный момент ты подвел всю группу.
Дружелюбные нотки испаряются, голос сухой и отрывистый, как удары плетью.
Скрипя зубами, поднимаюсь...»

Виктор закрыл блокнот. Настроения писать больше не было. Где-то в глубине подсознания у него жило ощущение, что он совершенно не против продолжить, но что-то удерживало его от дальнейшей работы.

– Я мазохист, – сказал вслух наемный убийца, и его губы растянулись в кривой улыбке. – Я пишу о том, что сломало всю мою жизнь.

Он медленно встал, подошел к зеркалу. Улыбка на собственном лице почему-то вызвала у него испуг.

«Еще немного, и я сам буду похож на акулу», – неожиданно подумал он.

Виктор надел куртку и вышел из дома. Он испытывал непреодолимое желание развеяться и решил не отказывать себе в мимолетной прихоти. Тем более что последний заказ был выполнен «на отлично». Об этом свидетельствовало зашифрованное СМС-сообщение. За Ирландца Коновалов в ближайшие два дня получит двадцать пять тысяч евро.

Большие деньги, если, конечно, закрыть глаза на то, как он их заработал. Риски, связанные с возможным проколом Виктора, как и ставки в игре, в которой участвовал бывший снайпер спецназа ГРУ, были, конечно же, слишком высоки, чтобы допустить оплошность. Малейший нюанс, который он вовремя не учел, мог завалить всю операцию по принципу домино.

Привычка наблюдать за всем, что происходит вокруг, давно уже стала неотъемлемой частью его непростой жизни. Слежки не было.

Виктор сел в автобус, устало откинулся на спинку сиденья и снова прогнал в памяти сегодняшние события.

Второй клиент, которого он ликвидировал вместе с Ирландцем, не входил в заказ. За него Виктор не получит ни копейки. Но это, как говорится, проблема индейцев. Не ты, так тебя. Главное в том, что уничтожен объект. Все остальное – щепки, летящие во все стороны в ходе рубки леса. Это сопутствующие обстоятельства, на которые приходится реагировать немедленно, так как времени на принятие решения – тысячные доли секунды.

Коновалов вспомнил случай с ликвидацией некоего криминального авторитета. Заказ поступил Крестовику. Осведомители сработали неважно, и вместо дня рождения объекта киллер попал на воровскую сходку. Ему пришлось уложить четверых воров в закон. Пока он расправлялся с охраной, нужный ему объект успел уйти. Впрочем, Крестовику была предоставлена возможность реабилитироваться, и он нашел свою цель где-то в Грузии.

Глядя в окно, Виктор подумал, что в контракты, заключаемые «Профсоюзом», не мешало бы внести некоторые коррективы. Так, он, не раздумывая, убрал бы из них пункт, обязывающий киллера ликвидировать цель именно тем способом, который указан заказчиком.

Толстосумов, желающих расправиться с обидчиками по своему усмотрению, было немало. Любый амбициозный идиот с разыгравшейся фантазией, толстым кошельком и обидчивой натурой не только усложнял работу исполнителя, заставлял его идти на неоправданный риск, но и ставил под удар исход самой операции.

Одно дело – сделать укол клиенту отравленной иглой в час пик в метро. Он почти ничего не почувствует и умрет лишь через несколько часов, захлебываясь рвотой. Совершенно другое – организовать показательную казнь среди бела дня, на глазах десятка свидетелей.

Но таковы реалии современного мира. Заказчики сами выбирали способ умерщвления своих врагов. Порой они придумывали совершенно бредовые и нереализуемые варианты.

С другой стороны, они не скупились. Оплата заказа, разумеется, значительно вырастала.

Однажды Виктору пришлось добывать полсотни змей. Его клиент патологически не выносил рептилий. Основное условие заказчика состояло в том, что Коновалов должен был продержат беднягу-клиента в салоне собственного автомобиля с ползучими гадами всю ночь.

Пускай это были безобидные ужи с полозами, но для пятидесятипятилетнего мужика, с детства боящегося любого ползучего существа, не играло роли, кто перед ним – королевская кобра, гюрза или простой уж. Достаточно того, что эта тварь шипит, извивается и ползает по твоему телу, вызывая первобытный ужас.

Лишь наутро, согласно условиям контракта, Виктор прикончил клиента выстрелом. К тому моменту тот представлял собой трясущееся поседевшее существо с обезумевшими глазами.

Картину мучений клиента заказчик наблюдал онлайн. Виктор поставил свой автомобиль напротив и включил видеорегистратор.

Пистолет после сегодняшней операции он выбросил, как только отъехал от ресторана. Через пару кварталов Виктор остановился во дворах, быстро переоделся, снял грим и нырнул в метро. Одежду и прочие причиндалы он отнес в съемную квартиру и положил в потайной сейф.

Коновалов знал, что выемка и закладка в сейф происходит раз в сутки. Значит, сегодня мятой зеленоватой рубашки, которые носят официанты того злосчастного ресторана, черных брюк и грима уже не будет, их утилизируют. Зато там появится что-то новое, необходимое для выполнения очередного заказа. Например, «ПМ», иной грим и свежая, выглаженная одежда. А может, и не совсем выглаженная – Коновалов не раз играл роль спившегося бродяги.

С этими мыслями он оказался в баре. Все столики были заняты, и Виктор уселся на высоченный стул прямо напротив стойки бара.

– Добрый вечер, – приветливо поздоровался с ним парень лет двадцати, ловко подбросил бутылку вермута и поймал ее другой рукой. – Чего желаете?

– Водки, – коротко бросил Виктор.

– С тоником? Лед, кола? – уточнил бармен, продолжая жонглировать бутылкой.

– Нет. Бутерброды с красной рыбой есть?

На лице парня появилось слегка обиженное выражение. Мол, а как же!

– И лимон, – добавил Коновалов и бросил взгляд на пустую танцплощадку, посреди которой высился одинокий шест.

Бармен заметил это, истолковал по-своему и подсказал:

– Стриптиз начнется через час.

– Я не тороплюсь. – Виктор усмехнулся и подумал, что завтра нужно будет зайти в церковь.

После работы он всегда ставил свечи за упокой тех, чьи жизни забрал.

Бармена кто-то отвлек очередным заказом.

Виктор был рад, что этот сопляк отстал от него с дурацкими разговорами. Он хотел посидеть в одиночестве, обдумать свою книгу.

Франц.

Странно. Прошло столько лет, а он все равно приходит к нему во снах.

– Где ты, Франц? – шепнул Виктор, опрокидывая стопку.

Горло обожгло, и он закусил водку лимоном. В уголках его глаз выступили слезинки.

«Я все равно найду тебя, сука!» – с угрюмым упорством подумал он.

Спустя некоторое время Коновалов повторил заказ, и бармен тут же выполнил его.

Вскоре началось стриптиз-шоу. Посетители заведения постепенно подтягивались к танцевальной площадке, а Виктор даже не обернулся. Он равнодушно цедил водку, рисовал зубочисткой невидимые узоры на тарелке.

Все внимание мужчин, собравшихся в баре, было приковано к полуголой брюнетке, танцующей у шеста. Ее стройное тело было сплошь усеяно сверкающими блестками и напоминало новогоднюю елку.

Извивающаяся красotka совершенно не интересовала лишь двух южан, сидящих неподалеку от Виктора. Они молча пили кофе. Их тяжелые взгляды были устремлены на Коновалова.

Когда он нетвердой походкой направился в туалет, эти двое, не сговариваясь, последовали за ним.

Откровения арестованного

Мужчина с усталым, изможденным лицом остановился возле железной двери.

– Лицом к стене!

От резкого окрика конвоира он вздрогнул, но в ту же секунду послушно выполнил приказание.

Охранник приоткрыл дверь и сообщил Павлову:

– Осокин прибыл.

Адвокат кивнул, и конвоир подтолкнул арестованного в комнату для допросов. Когда дверь за ним захлопнулась, он снова дернулся, будто получил пощечину.

Павлов поздоровался с подзащитным, окинул его проницательным взглядом и спросил:

– Вы хорошо себя чувствуете, Дмитрий?

– А вы как думаете? – буркнул Осокин, уселся перед адвокатом и вперил взор в свои исцарапанные руки.

– Если у вас проблемы со здоровьем, скажите. Я обращусь в администрацию изолятора, и вас покажут доктору.

Осокин глубоко вздохнул.

– Если я начну вам перечислять все свои проблемы, вы заткнете уши, убежите отсюда и наверняка откажетесь защищать меня.

– Мне представляется, что в настоящий момент вашей главной проблемой является пребывание под арестом. Пока вы находитесь в этих стенах, решение остальных вопросов, касающихся вас, весьма затруднительно. А посему не будем тратить время и приступим к делу. – Артем открыл блокнот.

– Я не убивал его, – сказал Дмитрий, глядя, как адвокат листает страницы. – Я имею в виду Ганакаяна.

– Почему вы написали чистосердечное признание?

Осокин поскреб ногтем облезлую краску на столе и пробурчал:

– Мне угрожали.

Павлов поднял голову.

– Дмитрий, давайте все с самого начала. Не торопитесь и постарайтесь не волноваться, здесь важна каждая деталь.

Осокин немного помедлил и начал свое повествование:

– У нас сложились нормальные, вполне рабочие отношения. Харен был обычным коммерсантом, как говорится, ничего личного, просто бизнес. Друзьями мы с ним не стали, но это не помешало ему признать меня директором компании, пусть и только де-юре. Он мотивировал это решение тем, что вести дело проще, когда коммерческой организацией официально руководит человек с русской фамилией. Хотя на различных переговорах мы всегда были вместе и все решал он. Осложнения начались, когда мне потребовались деньги для лечения сына. Вам ведь наверняка уже Вероника рассказала?

– В общих чертах, – коротко ответил Артем.

– Тогда я не буду на этом подробно останавливаться, потому что не сомневаюсь в том, что вы прекрасно поймете меня. Денег было взять неоткуда. В прямом смысле слова. Разве что почку продать.

– Вы глубоко заблуждаетесь, если считаете, что сможете продать собственный орган так быстро и легко, – заметил Артем, видя, что Осокин умолк. – Что дальше?

– В общем, единственное, что мне пришло в голову, это провернуть небольшую аферу с деньгами фирмы, – сказал Дмитрий после недолгой паузы. – Я издал приказ о выдаче премиальных сотрудникам фирмы, подделал подпись главбуха. Речь шла о полутора миллионах. Я

надеялся, что это вскроется не сразу, мне удастся раздобыть деньги и вернуть их на счет нашей компании. Я тут же обналичил их и отдал в клинику, где наблюдается мой сын. У меня была уверенность, что я найду общий язык с Хареном, когда мне придется объясняться. Но, как выяснилось, не нашел. Главбух узнал о моей афере, сделал выписку об операции по лицевому счету и тут же доложил об этом Харену.

– Почему вы просто не попросили у Ганакяна денег?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.